

INSPIRIA

НОВЫЙ СКАНДИНАВСКИЙ ТРИЛЛЕР

ИГРА
В
КУКЛЫ

МАГНУС
ЙОНССОН
ИГРА
В
КУКЛЫ

МАГНУС
ЙОНССОН
ИГРА
В
КУКЛЫ

МАГНУС
ЙОНССОН
ИГРА В КУКЛЫ

INSPIRIA

Ток. Новый скандинавский триллер

Магнус Йонссон

Игра в куклы

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

Йонссон М.

Игра в куклы / М. Йонссон — «Эксмо», 2016 — (Ток. Новый скандинавский триллер)

ISBN 978-5-04-117952-6

К студентке аспирантуры Линн Столь, компьютерному гению и эксперту по шифрованию, обращается полиция с просьбой расследовать жестокое убийство. Молодая женщина была найдена мертвой в квартире: все ее тело покрыто лаком, как у фарфоровой куклы. Будучи активисткой антифашистской организации, занесенной в черный список службы безопасности, Линн скептически настроена по отношению к государственной власти, и тем более к работе с представителями силовых структур — детективами Рикардом Стенландером и Эриком Свенссоном. Пока команда пытается поймать убийцу, который превращает своих жертв в кукол, в Швеции крепнет правое движение. Возвращается прошлое Линн — и это совсем не то, о чем хочется помнить. «Игра в куклы» — это леденящий душу триллер о кровожадном маньяке. По-скандинавски жесткий роман, где в центре повествования оказывается обычная женщина — студентка-аспирантка Линн Столь. Именно благодаря ее уму, опыту и безмерной уверенности в собственных силах расследование выходит на новый уровень.

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-117952-6

© Йонссон М., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	36
Глава 8	39
Глава 9	41
Глава 10	45
Глава 11	48
Глава 12	51
Глава 13	54
Глава 14	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Магнус Йонссон

Игра в куклы

Magnus Jonsson
Mannen som lekte med dockor

© Magnus Jonsson 2016
© Нордштрем А., перевод на русский язык, 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Глава 1

Вдохи и выдохи были короткими и быстрыми. Тело женщины вздрогнуло во сне, будто инстинктивно почувствовало, что в спальне кто-то есть. Мужчина, наблюдавший за ней, сделал осторожный шаг назад, в темный угол. В комнате слабо пахло ванилью. Он помнил этот запах. Ее аромат. Часть ее образа. Запах детства. Если бы так пахло от женщины постарше, то это было бы не очень приятно, а в худшем случае запах ванили мог бы даже вызвать приступ мигрени. Но не аромат, исходивший от этой молодой женщины, спящей в своей кровати.

Он снова подошел ближе и встал рядом. Она выглядела неестественно: длинные светлые волосы уложены на подушке так аккуратно, будто она сделала это нарочно, чтобы утром не надо было их распутывать. Об этом ей уже не нужно будет беспокоиться, мелькнула у него мысль. Руки были вытянуты вдоль тела, как у куклы. Будто замерший кадр фильма. Беззвучный и полный покоя. Вся эта аура невинности была иллюзией. Теперь он это знал точно. Совсем недавно она проявила свою подлинную, расчетливую суть и разрушила все то, что было ими создано. Создано вместе. Стала настолько же холодной и жесткой, насколько раньше она была любящей и располагающей к себе. Все обещания были нарушены. Договоренности больше ничего не значили. Унизительный сарказм стал обычным и заменил ту нежность, которая существовала раньше. А когда она еще и вываляла его чувства в грязи и при этом посмеялась у него за спиной, она совершила непоправимую ошибку. Недоценила его. Думала, что он прогнется и будет ползать перед ней даже после того, как разоблачились ее предательство и мелочная жадность.

Злость снова волной поднялась в груди, и он заставил себя сделать глубокий вдох. Не надо позволять гневу управлять собой. Нужно сосредоточиться на той операции, которая ему предстояла. Он расслабился, отметив, что опять в состоянии контролировать свои чувства. Она лежала перед ним и казалась совершенством. Неиспорченной. Такой, какой она ему показалась, когда он увидел ее впервые.

Теперь же, похоже, она торопилась, когда вернулась ночью домой. Платье, кофта и лифчик валялись на полу. Он ведь ждал, прячась в машине напротив входа в ее дом на улице Хегалидсгатан. Когда она вернулась домой, с ней никого не было. Зная ее легкомысленность, он не мог быть заранее в этом уверен. Он посмотрел на ее лицо. По крайней мере, она уделила время умыванию и смыла косметику. Осталась лишь тонкая черная полоска туши у левого глаза. А в остальном кожа была разглажена сном, никаких морщинок. Такой она и должна остаться как в его памяти, так и для всего мира.

Кроме аромата ванили, витавшего в комнате, он чувствовал слабый намек на запах спиртного, чего-то сладковатого, может быть, лакрицы. Самбука? Да, именно такой она и была, подумал он. Любила такие напитки: сладкие, крепкие и с быстрым эффектом. Может быть, она где-то праздновала свою будущую экономическую прибыль? В таком случае она явно поторопилась.

Он безрадостно улыбнулся самому себе. Она любила попраздновать и не раз позволяла приглашать себя на шикарные ужины в выбранных им ресторанах. «Принц», «Гранд Отель» и «Гондола». Несколько раз он угощал ее дорогим шампанским у нее дома. После этого ей хотелось пойти потанцевать, но он не соглашался. Он никогда не любил места, где танцуют, а ночные клубы – и того меньше. Эта вечная, затянутая прелюдия. Пустая трата времени. И денег тоже, без сомнений. Тогда уж лучше их договоренность, и лучше для обоих – и честнее, поскольку деньги шли именно на то, для чего они и были предназначены. Это тоже было не бесплатно, но давало хотя бы шанс легче контролировать расходы.

Он вздрогнул, когда женщина глубоко вздохнула. Осторожно отойдя на пару шагов, он слушал, как она несколько секунд дышала прерывисто, а потом, кажется, успокоилась и поудоб-

нее устроилась на подушке. На какое-то мгновение ему показалось, что она проснулась и смотрит на него сквозь полуприкрытые веки, но потом она коротко всхрипнула, и он вздохнул с облегчением.

Он потянул, поправляя, хирургические перчатки. Почувствовал, как вспотели в них ладони. То, как выглядела комната, ему было только на руку. Когда она в первый раз разрешила ему прийти к ней домой, он был удивлен интерьером. Вернее, отсутствием интерьера. Спальня выглядела совершенно голой, в ней не было никаких личных безделушек. Не было ничего, что мешало бы или что пришлось бы вытирать после того, как он сделает свое дело. Комната идеально подходила для тех целей, для которых она использовалась. И не только с ее точки зрения, но и с его, как теперь выясняется. И все же она была молодой женщиной, что стало абсолютно очевидно, когда он в какой-то раз случайно открыл дверь в ее личную спальню. Контраст был потрясающим. Эта комната была настолько завалена всяческими вещами и разной ерундой, что в нее почти невозможно было войти. Но сегодняшней ночью она по какой-то причине уснула не в своей комнате, а вырубилась в спальне, предназначенной исключительно для работы. Это очень облегчало ему дело.

Он осторожно двинулся в сторону кровати, беззвучно прошел своими грубыми башмаками по ковровину и взял одну из подушек. Ее мышцы напряглись, когда он прижал подушку к ее лицу. Ноги судорожно задергались.

Он представлял себе клинически чистую операцию, при которой она должна была умереть во сне через пару минут. Нехватка кислорода должна была практически сразу заставить мышцы расслабиться, и тогда она уснула бы навеки, став неподвижной. Вместо этого, когда ей стало не хватать воздуха, в действие вступил инстинкт самосохранения.

Так не должно было быть, подумал он, когда она вцепилась в его руку ниже локтя, а ногти врезались в его кожу. Она ударила его коленом в бок, да так, что у него перехватило дыхание. Но он быстро оправился, вывернулся в постели и сел на нее верхом. Он крепко прижимал подушку к ее лицу и пытался увернуться от ее отчаянных попыток бить его коленями по почкам.

Быстрый взгляд на часы. Пятьдесят секунд. Почти минута, а она еще не проявляет никаких признаков усталости. Страх и выброс адреналина заставляют ее бороться за жизнь. Надо было сначала усыпить ее каким-нибудь средством для наркоза и тогда уж спокойно задушить. Он не привык терять контроль над ситуацией. Наоборот. Он удерживал равновесие, прижимая коленями ее руки, а свободной от подушки рукой, сжав ее в кулак, ударил ее прямо в живот. Удар вроде бы дал нужный эффект. Ее толчки ногами стали слабее и прекратились совсем. Руки, на которые он наступил, расслабились.

Он ждал. Тело было совершенно неподвижным. Мягким и безжизненным, как тряпичная кукла. Три минуты. Четыре минуты. Вряд ли она может притворяться в таком положении. Но он не хотел рисковать.

Пять минут. Он поднял подушку. Ее вытаращенные глаза смотрели на него, и он увидел тонкую сеточку лопнувших капилляров в уголке глаза. Он сполз с нее и встал рядом с кроватью. Ее грудная клетка не колебалась. Он приложил пальцы к ее шее, не обнаружил пульса, вытащил влажную салфетку и осторожно вытер остатки туши у глаза. Потом красиво разложил ее волосы на подушке, как было раньше, и полез в карман. Разложил клеенку под ее ладонью и вытащил бутылку с гипохлоритом натрия. Осторожно зубочисткой почистил ей под ногтями, потом смочил дезинфицирующим раствором щеточку для ногтей и прошелся еще раз по пальцам. Медленными, почти бережными, круговыми движениями он продолжал обтирать ее голое тело. От испарений хлора у него начало щипать в глазах. Время, когда вся она излучала жизнь, осталось давно позади.

Он посмотрел на нее. Глаза стали неприятно большими и остекленевшими, как будто они сделаны из эмали. Он желал бы ей другого конца, если бы это было возможно. Но все было

слишком поздно с самого начала. Она сделала выбор за обоих без его ведома. У него больше не оставалось никаких возможностей выбора.

Он оставил ее и вышел в кухню. В раковине стояли две чашки из-под чая. Он сел на деревянный стул, с которого соскоблили краску, а когда-то он был голубым и стоял на какой-нибудь крестьянской кухне. То ли достался по наследству, то ли куплен на блошином рынке. Он сидел на нем и раньше, но уже тогда задавал себе вопрос, насколько этот стул типичен для вкуса молодой женщины, обставляющей свою квартиру. Он барабанил пальцами по столу. Сначала жестко и решительно, почти в стиле военного марша. Потом сменил такт. Он сам не узнал вначале эту мелодию галопа, которая возникла как будто из никуда. А потом улыбнулся, вспомнив. Это была заставка к сериалу «Братья Картрайт». Откуда она взялась, эта мелодия? Повтор этого вестерна по ТВ он видел, наверное, десятки лет назад. Какими-то неизведанными путями эти звуки решили появиться из извилин его памяти именно сейчас. Быть может, как изящная метафора того, что справедливость восторжествовала? Он продолжал барабанить по столу, звук отскакивал от стены к стене, а сам он смотрел на дверь спальни. Ждал.

Он вернулся в спальню и осторожно приподнял тело, посадил и закрепил его в сидячем положении. На него тарасились большие испуганные безжизненные глаза, глаза куклы.

Только теперь начиналась настоящая работа.

Глава 2

Мобильник, лежавший рядом на камне, вдруг начал вибрировать и издавать бесчувственные цифровые звуки, которые эффективно положили конец приятному весеннему утру. Ничего особенного. Звонки по мобильнику, как правило, всегда раздаются в самое неподходящее время. А с другой стороны, «подходящих моментов» осталось в этой жизни совсем мало, подумал комиссар уголовного розыска Рикард Стенландер, стоя коленями на только что вскопанной грядке у скромного зеленого домика. Домик, казалось, с трудом держался на довольно крутом склоне у озера Меларен в районе Седра Танто, где располагались старые дачные участки острова Седермальм в Стокгольме.

Сигнал мобильного звучал еще противнее из-за наложения на громкую музыку, доносившуюся из динамиков на террасе. Рикард считал, что маниакальный ритм американо-украинской цыганской панк-группы «Гоголь Борделло» добавляет утреннего покоя. Соседи по даче далеко не всегда с этим соглашались. Он отложил посевной картофель, встал, вытер грязные руки об траву и со вздохом уменьшил громкость на старом CD-плеере. Липкая глина застряла между пальцами и под ногтями, но он все-таки взял мобильник. Неуклюже попытался не запачкать экран.

Он ожидал, что звонит какой-то продавец чего-то, который не знает, что сегодня воскресенье, что это его первый выходной за бесчисленное количество недель, и поэтому удивился, увидев на дисплее имя Эрика. Инспектор уголовной полиции Эрик Свенссон не относился к числу тех, кто чувствует себя бодрым и активным по утрам. Это касалось любого утра недели, а особенно воскресного. Разве что за исключением дней дежурств. И сегодня как раз и был такой день. Тот факт, что он звонил своему начальнику, зная, что у того выходной, да еще и звонил в такую рань, означал, что произошло нечто важное.

Рикард несколько секунд колебался, прежде чем ответить на звонок, и смотрел на зеркальные воды залива Оштавикен. У воды бежал ранний любитель утренних пробежек, парочка моторных лодок уже направлялась к шлюзу Хаммарбю. Волны за моторками создавали на воде причудливые узоры. День обещал стать одним из первых по-настоящему теплых весенних дней года. И хотя утренний воздух был прохладным, в нем уже слышалось жужжание сбитых с толку неожиданным теплом шмелей и пчел. Между дачными домиками лежал тяжелый аромат цветущей черемухи. От такой красоты, пожалуй, станешь религиозным, подумалось ему. Если бы реальность не мешала.

Мало кто из друзей и коллег Рикарда мог бы назвать его «романтиком, восторгающимся природой». Даже проявляющим умеренный интерес к садоводству его вряд ли бы назвали. И этот интерес на самом деле появился у него совсем недавно. Да он особо об этом не распространялся. Правда – в очень завуалированной форме, – намекнул немногим ближайшим друзьям, где он иногда бывает в воскресные дни. И дело было вовсе не в том, что он считал себя обязанным поддерживать некий фасад крутого мачо-полицейского. И не в том, что вообще считал смешным интерес к растениям. Просто он понял, что о посадках и выращивании можно не говорить совсем. Это не то, о чем говорят. Это то, что люди делают. Это был такой вид труда, который требовал некоторого вложения сил, а потом все уже росло-подрастало как бы само по себе. Не нуждаясь ни в анализе, ни в гипотезах или дискуссиях.

Поверхностный наблюдатель мог бы сказать, что в посадке растений его привлекала именно удивительная простота. Простота, которая радикально отличалась от весьма сложных и запутанных процессов полицейских расследований. А тут можно было посадить что-нибудь, а дальше уже за дело принимались другие элементы: земля, вода и солнце. Взаимодействие казалось в высшей степени простым, но именно оно и было сложным фундаментом самой

жизни. Рикарду, который повседневно сталкивался со смертью, было приятно осознавать, что при помощи нескольких зернышек или картофеля он мог внести свою лепту в жизнь.

Еще один резкий звонок вынудил его вернуться в реальность. Он посмотрел на вскопанную землю у своих ног, на ожидавшие посадки финские картофелины сорта «Тимо» с лиловыми отростками. И понял, что пройдет немало времени, пока ему удастся закончить начатую работу.

– Алло, Рикард Стенландер, солнечным утром на склонах Танто.

– Это Эрик. Ты занят чем-то важным? – послышался настойчивый голос Эрика.

– Доброе утро. Я не занят абсолютно ничем важным, и в этом, собственно, и заключается суть идеи: копаться в земле на даче в воскресенье, именно чтобы не надо было делать ничего важного. Но именно сегодня я просто обязан закопать картофель в землю, чтобы у меня был шанс угостить друзей молодой картошечкой к копченому угрю и селедке под стопочку крепкого в Мидсоммар¹. А уж стопочка, и тут наши мнения наверняка совпадают, дело важное, – ответил Рикард, зная, что «свободное время» или «выходные» в представлении Эрика были смесью тусовок с друзьями, встреч с девушками и тренировок в тренажерном зале.

– Хорошо, – ответил Эрик с явным нетерпением в голосе. – Мне нужна помощь в одном деле. Ты должен на это посмотреть. – Он заколебался, но продолжил: – Похоже на какую-то инсталляцию. В квартире на улице Хегалидсгатан.

Рикард слышал по голосу Эрика, что дело серьезное.

– Это рядом с баром «Эспрессо»?

– Точно. По соседству с магазином «Делло Спорт». Ты можешь там быть уже через пять минут.

Он глубоко вздохнул.

– Окей, считай, что я уже в пути.

Ощущение покоя, которым он только что наслаждался, исчезло. В то же время он знал, что Эрик не стал бы звонить, если бы дело не было действительно серьезным. Значит, это нечто выходящее за рамки привычной гадости, с которой им приходится сталкиваться.

Он пошел к зеленому домику, построенному когда-то его отцом. Там была даже ниша с кроватью, что противоречило уставу садово-огородного кооператива, запрещавшего ночевать на дачах. Он подкрутил громкость, чтобы услышать хотя бы последнюю песню диска, а потом спрятал проигрыватель под кухонный стол, чтобы его не видно было в окно. Он глянул в зеркало, которое висело над раковиной и умывальником на внешней стене дома. По сравнению с музыкой, которую он только что дослушал, сам себе он не казался оригинальным.

Не слишком короткие русые волосы, которые он подстригал сам. Старые джинсы, застиранная рубашка и вконец растоптанные кеды. Ни тебе ретро-панк, ни седермальмский винтаж. Просто скучная одежда. Хотя он ведь и не планировал ничего, кроме свободного дня в саду. Вообще, и в других случаях его стиль одежды никак нельзя было назвать продуманным.

Если бы кто-нибудь проходил за забором его огорода, то мог бы удивиться этой странной картине. Мужчина средних лет, он же комиссар уголовной полиции, стоит между только что посаженной картошкой и посеянной морковкой и слушает совершенно непонятную музыку, смесь панка и клезмера². Такая картина, скорее всего, не совпадает с представлениями о том, как должен вести себя настоящий владелец дачи. Не исключено, что и в уставе кооператива прописаны параграфы о запрете громкой музыки, подумал Рикард. Но он не собирался это проверять. Да, его музыкальный вкус, а в особенности его фанатический интерес к старому панку, явно выделял его на фоне «среднестатистического» показателя, отличая от большин-

¹ Мидсоммар – праздник Середины лета, один из самых любимых шведских праздников. Приходится на дни до или после летнего солнцестояния с самым длинным днем в году (*прим. пер.*).

² Клезмер – народная музыка восточноевропейских евреев. Песни часто исполняются на идише, английском, русском, украинском, французском и цыганском языках (*прим. пер.*).

ства. Во всех остальных отношениях, по его собственному мнению, он чаще всего был обыденно-банальным, «средним».

Он уже давно перерос того буйного и восстающего против порядков подростка, каким когда-то был. Что-то в его характере поизносилось, что-то отполировалось. Он не тосковал о себе молодым и особо на эту тему не раздумывал. Все это было в другое время. То время было и прошло. Ему нравилось жить так, как живет «средний Свенссон». Нравилась его работа. Правда, все то ужасное, с чем он сталкивался в силу профессии, ему стало тяжелее переносить после рождения сына пять лет назад. Но существование сына, его Эльвина, было тем, что его держало. Тем, что дарило ему счастье и радость в повседневности. Хотя, конечно, ему хотелось бы встречаться с сыном чаще, а не только по выходным два раза в месяц.

Его вполне устраивал и его закончившийся брак с Марианной. Только после развода он понял, что именно было не так. То, что было очевидно кому угодно. Сверхурочные. Работа по выходным и праздничным дням. Экстренные вызовы. На нем лежала вся ответственность за расследования. Никого другого не было, на кого можно было бы свалить вину, если что-то пошло не так. Однако тот факт, что его ценили на работе, был слабым утешением в семье. Семья оказалась на последнем месте в списке приоритетов. И не один раз, а много. Он пытался это как-то компенсировать. Проводил время с сыном. И не просто так. Это их совместное время было действительно «качественным», по определению психологов. Он готовил ужины. Думал, что они с Марианной были равноправны, по крайней мере, в кухне. После развода он понял, что она это воспринимала не так – и она была права. Именно она всегда прикрывала тылы, готовила паста-салаты и бутерброды, когда сын отправлялся в походы со школой, быстрые ужины в будни с мясными тефтельками или спагетти, да и все остальное, когда не было времени на то, чтобы готовить что-то вдохновляющее, креативное или шикарное. А сам он готовил, когда был свободен. И тогда это были колоссальные, экзотические проекты: варка по несколько часов, рыба, маринованная в соке лайма, или молодая картошка, сваренная с морской солью, как это делают на Канарских островах. Все было продумано, к блюду подавалось нужное вино или пиво сезона. Эти роскошные обеды были, естественно, весьма популярны среди друзей, но, как Рикард понял намного позже, способствовали углублению трещины между ним и женой. Эти приемы устраивались ради удовлетворения его собственного эго, а не ради равноправия. Этот контраст между буднями и теми редкими случаями, когда он был дома, стал слишком велик.

Он закрыл дачу, положил металлическую пластину на дверь и навесил большой амбарный замок. Вообще-то солнечное воскресное утро в мае месяце – самое, наверное, неудачное время для кражи, да и все соседи тут и заняты посадками. Но домушники-наркоманы, залезающие в чужие квартиры и дачи района, вряд ли задумываются о стратегии или тактике совершения краж.

Рикард спустился по тропинке почти к самой воде и пересек широкий газон. Пока что на траве успели расположиться в основном семьи с детьми. Но если погода продержится, то скоро сотни людей – чаще всего молодежь – будут осаждать эти травянистые склоны с пластиковыми пакетами из «Сюстембулагет»³, наполненными банками теплого пива «Норрландс Гульд» и сидра «Коппарберг». Уже сейчас ему была видна группа скинхедов, оккупировавших один из деревянных столов парка. Откуда они взялись, недоумевал он. Уже много лет он не видел бритоголовых в башмаках со стальными носами. Теперь расисты одеваются в костюмы, заседают в Риксдаге и заняты тем, что подают в парламент предложения, суть которых сводится к тому, что только этнические шведы имеют право представлять Швецию на Евровидении или появ-

³ Systembolaget – магазины государственной алкогольной монополии. Винно-водочные товары и крепкое пиво в Швеции продаются только в этих магазинах, которые открыты по будням с 10:00 до 19:00, закрыты по воскресным и праздничным дням, а по субботам открыты только 5 часов (*прим. пер.*).

ляться на телеэкране в качестве Люсии. В то же время он был вынужден признаться самому себе, что и его коллеги, полицейские, не были свободны от подобных взглядов. Часть скинхедов, которые были активными в те веселые девятностые годы, сменила интересы и, не дай бог, стала полицейскими. Как тот идиот, «Дядюшка Синий», блогер из полиции в Мальме, писавший о своем презрении к женщинам, гомосексуалам и иммигрантам⁴.

Больше всего в этой истории его раздражало то, что люди могли и вправду подумать, что Рикард и его коллеги разделяли позицию блогера, получившую огласку в сети. Он знал, что люди могут чересчур поспешно обвинять всех полицейских за взгляды, которые выражает лишь горстка подонков, особенно когда им суфлирует медиа. Так и получилось, что образ тупых, размахивающих дубинками мачо-полицейских продолжал существовать и дальше. Хорошо, что хоть начальником полиции назначили бывшего любителя панк-стиля, для разнообразия.

Рикард шагал мимо станции метро «Хурнстуль». Инсталляция, думал он. Что же такое Эрик обнаружил в квартире? Коллега был обычно склонен к драматическим преувеличениям, но на этот раз, похоже, все наоборот. Провокационное произведение искусства, или о чем там могла идти речь, не казалось слишком серьезным. А голос у Эрика был явно встревоженным, когда он звонил.

⁴ Нашумевший в Швеции случай, закончившийся оправданием блогера в суде и восстановлением на работе, поскольку описанные им истории оказались вымышленными. Тем не менее общественное мнение осуждало блогера, поскольку его материалы, как считали многие, «бросали тень на всю полицию» (*прим. пер.*).

Глава 3

Когда Рикард дошел до улицы Хегалидсгатан, 46, то убедился, что парадная действительно находится рядом с кафе «Делло Спорт» на углу с улицей Польсундсгатан. Если бы не шведская машина полиции, припаркованная вопреки всем правилам во втором ряду, можно было подумать, что ты в Италии. Владелец кафе сидит вместе с друзьями у серебристого столика из нержавеющей стали на тротуаре, перед ним розовеют страницы спортивного приложения итальянской газеты «Делло Спорт». От поджаристой брускетты пахнет оливковым маслом. Солнце нагревает осыпающуюся штукатурку кирпичной стены.

Эрик ждал у входа в подъезд. Он явно торопился в это утро и выскочил из дома, не успев переодеться. На нем был самый мешковатый и бесформенный из всех его хип-хоповских прикидов, и Рикард считал, что Эрик – несмотря на свои тридцать пять лет – выглядит ненамного старше тех школьников и гимназистов, которые собирались по вечерам в парке Танто. Он даже не снял подросткового кепи бренда Fubu. Стиль одежды, темная кожа и дразнящая улыбка делали его похожим на копа из сериала «Прослушка». Рикард знал: Эрик надеялся на то, что его будут воспринимать как крутого парня, выросшего в каком-нибудь гетто Лос-Анджелеса, хотя это было совершенно не так. Уголкем глаза он заметил неправильно припаркованную за углом ржавую машину Эрика марки Oldsmobile, из чего следовал вывод, что где-то был еще и полицейский в форме, который прибыл в обычной патрульной машине. Oldsmobile – был еще одним атрибутом «подлинного гангстера», которым в свободное время притворялся Эрик, вдохновленный рэпером The Game и группой «Public Enemy».

Эрик молча кивнул ему.

– Я думаю, это заинтересует тебя больше, чем семенная картошка. Вряд ли это можно классифицировать в качестве «обычного», так сказать, дела.

Он показал дорогу во внутренний двор. Там все выглядело так, будто оператор приготовился снимать новую версию фильма «Дети подворотен»⁵ или комедию тридцатых годов в колоритной упаковке южной части столицы. Плющ вьется по стенам песочного цвета, в центре двора – специальная стойка для выбивания ковров, а чугунное литье забора держит на расстоянии соседскую шпану. В одном углу – заколоченный деревянный сарай, в котором, вероятно, хранились бочки дворового туалета с тех еще времен, когда отхожие места были не в квартирах, а во дворах Стокгольма.

Рикард прошел за Эриком дальше, через двор, в следующий дом. На втором этаже у одной из дверей стоял молодой полицейский. Лицо у него было серо-зеленого цвета, и он явно с трудом сдерживал тошноту. Кисловатый запах, стоявший на лестничной площадке, говорил о том, что парня недавно вырвало. Рикард признал в нем одного из новеньких. Коротко кивнув, он натянул на обувь защитные бахилы и прошел за Эриком в квартиру, пробравшись через сваленные в кучу кеды, тапки, туфли и зимние сапоги. В прихожей висело пальто, а на крючках – несколько курток-худи, и уже здесь Рикарду стало ясно, что тут многое отличается от обычного места преступления. Из комнаты струился яркий белый свет, создавая резкий контраст слабому желтоватому солнечному свету, падавшему из окон.

– Иди направо, на белый свет, – раздался голос Эрика за спиной. Рикард считал себя закаленным в том, что касалось осмотра мест преступления, и за свои двадцать лет в полиции он сталкивался бесчисленное число раз с кровью, смертью и грязью. И все же он непроизвольно

⁵ Rännstensungar – шведский фильм по пьесе Оке Ходелл (Åke Hodell), поставленной в театре Мальме в 1944 г. В 2006-м был снят музыкальный фильм «Дети пригородов», где девочку-сироту превратили в беженку из Африки, а заботившегося о ней художника – в рок-музыканта (*прим. пер.*).

вздрагнул, войдя в комнату, залитую белым светом. В представшей перед ним сцене было нечто искусственное и продуманно мерзкое.

На кровати в комнате, похожей на спальню, сидела женщина. Ее голову подпирали розовые подушки, прислоненные к изголовью. Безжизненный взгляд упирался в стену напротив. На ней были трусы, и больше ничего. Тело неестественно блестело в ярком свете двух прожекторов, установленных на полу по обеим сторонам кровати. Казалось, что она вспотела под теплыми лучами ламп, хотя этого, конечно, быть не могло. Лицо было покрашено и казалось покрытым эмалью. Тело тоже блестело, как полированное, что никак не вязалось с обычной матовостью кожи трупов. Создавалось такое впечатление, что она не хотела быть мертвой, а собиралась на какой-то праздник.

От этого контраста между покрашенным молодым лицом, блеском кожи и обвисшим голым телом Рикарда передернуло.

– Черт подери, ты был прав. Это за пределами, выходит за рамки нормы.

Совсем как фарфоровая кукла, подумал он. Труп выглядел точно как старинная фарфоровая кукла, только без платья с кринолином. Губы женщины были четко обозначены помадой. Чуть выпяченные, с острыми контурами верхней губы. Лицо казалось слегка припудренным чем-то белым. Вряд ли это был ее собственный выбор. То же самое касалось и светлых волос. Они были завиты и закреплены голубыми шелковыми лентами. Если бы не нагота, она вполне подошла бы для съемок в костюмированной драме. Или для какой-то гротескной коллекции кукол из фильма ужасов.

– Какая гадость! Никогда не видел ничего подобного. Мы, конечно, сталкиваемся с разными психами. Но этот случай должен попасть в разряд самых отвратительных. Какой придурак мог сотворить такое?

Он отвел глаза.

– И никакой записки? Никакого объяснения?

Эрик покачал головой:

– Ничего. Но я согласен. Это должен быть настоящий психопат. Полный отморозок. И все же он умудрился не оставить никаких следов, насколько я вижу.

– Что ты уже успел обследовать?

– Почти ничего, я только быстренько, очень поверхностно, посмотрел квартиру. Хотел дождаться тебя. Пробовал обойти соседей, но никого нет дома. – Эрик кивнул в сторону кровати и поморщился: – Такое впечатление, что ее покрыли каким-то лаком, то ли для мебели, то ли для пола. Но я не нашел никаких банок или кисточек.

Он подошел к кровати и показал рукой на капли, которые были заметны на ногах женщины. Рикард подошел ближе.

– Блин. – Кишки у него в животе, казалось, завязались в узел. Пятна на простыне блестели, будто жир стекал с блестящего тела, которое сидело в кровати, как жертвенный агнец, приведенный на заклание. Рикард сделал глубокий вдох, хотя ему вообще не хотелось вдыхать этот спертый воздух, и наклонился к женщине. – Боюсь, что вряд ли удастся установить точное время смерти с помощью определения температуры тела. Если лак, которым она покрыта, сохраняет тепло. Посмотрим, что скажут эксперты.

Он присел на корточки и показал пальцем на сине-зеленые пятна на ее шее и ушах:

– Скорее всего, она убита ночью, если исходить из размеров трупных пятен. И по бокам шеи лака не видно, так что лак не мог повлиять на то, как выглядят трупные пятна.

Он выпрямился и встал рядом с Эриком. Женщина пялилась на них большими глазами. Патологически большими глазами.

– Может быть, ее задушили? – Эрик пожал плечами.

– Если судить по ее глазам, то да, задушили. Похоже, что она не оказывала сопротивления. А это странно.

Рикард кивнул. В комнате не было никаких признаков того, что она пыталась сопротивляться. Никаких капель крови. Никакого беспорядка. Он обошел кровать и посмотрел на тело с другой стороны. На шее не было никакой красноты. Никаких синяков. Никаких частиц кожи под ногтями, насколько он мог видеть.

– Ее могли накачать наркотиками. И убить во сне. Возможно, сначала она была изнасилована. Или после. Но я не вижу на простыне следов спермы.

Эрик вздохнул.

– Может, это был какой-то ее знакомый? Который пришел вместе с ней вчера вечером и подсыпал что-то ей в чай. А потом задушил. В раковине на кухне стоят две чайные чашки.

– Вряд ли. Трудно поверить, – возразил Рикард, – что она знала кого-то, кто внезапно ее убивает и превращает в отвратительное подобие произведения искусства. Человек, который до этого предположительно вел себя совершенно нормально. Человек, которому она, вероятно, доверяла. Может быть, даже любила.

Эрик покачал головой.

– Или родственник? Бойфренд? Или просто приятель? Даже думать не хочется о том, что могло двигать таким человеком.

Он вытер лоб и осмотрелся, чтобы заставить себя оторвать взгляд от женщины.

– А это что за прожекторы? Когда стоишь с ними рядом, то чувствуешь себя как в сауне.

– Убийца хотел быть уверенным, что все, что он хочет продемонстрировать, будет отчетливо видно. Что его «сообщение» дойдет до адресата.

– Да, но что он хочет этим сказать? Что он сошел с ума? Что ему нужна помощь психиатров?

– Вряд ли. Может, это ревность? Извращенная месть за измену? Но я не понимаю, почему это должно быть выражено именно в такой форме.

Эрик отошел на пару шагов и снова посмотрел женщине в лицо.

– Может быть, речь идет о сексе? Не изнасилование, а какая-то сексуальная игра, которая вышла из-под контроля? Ролевая игра. В куклы. А она должна была бы, например, выглядеть как Лолита? Понятия не имею.

– Во всяком случае, нет никаких признаков, что убийство произошло в состоянии аффекта и в спешке. Прожекторы, лакировка и вообще вся эта инсталляция – все говорит о тщательно продуманном плане.

– И его, наверное, впустили, когда он пришел с сумкой. Может, его ждали?

– Может быть. Ты в остальной квартире не заметил каких-нибудь признаков борьбы? Может, ее перенесли в кровать потом?

Эрик покачал головой.

– Трудно сказать. Не думаю. Тут только еще одна комната, кроме кухни.

Рикард еще раз обошел кровать и наклонился к лицу женщины. Обводка вокруг глаз была неровной. Темно-красная помада в уголках рта была намазана так, будто никто даже не пытался добиться эффекта естественности. Контуры были кривыми и вытянутыми. В отличие от тщательно прорисованного «лука Купидона». Это явно не было работой профессиональной гримерши или визажистки. Если поддаться предрассудкам, то можно было бы сказать, что макияж вообще сделан не женщиной, а мужчиной. Он наклонился еще ближе к мертвой женщине и увидел, что лак начал трескаться. Тоненькие трещинки выглядели как паутина на припудренной щеке.

– Откуда поступил сигнал тревоги? – спросил он.

– Один из ее сокурсников по университету позвонил нам на коммутатор, беспокоился. Грегори Линдблад. Они вместе занимались в выходные, писали работу, и должны были встретиться утром, чтобы закончить. Завтра был последний срок и работу надо было сдать. Когда она не появилась и не отвечала на мобильник, то он заволновался и позвонил в полицию. Он

был не просто обеспокоен, он был прямо-таки на грани истерики, доказывая, что она не могла просто проспать и не могла забыть зарядить мобильник. Что это была крайне важная работа. Их последний шанс, который она в жизни не пропустила бы. Речь шла об этой работе и оценках за нее. Но могли быть и другие причины его волнения. Он вроде бы был последним, кто видел ее живой, вчера после обеда, перед тем как она собралась домой, продолжать свою часть этого совместного сочинения. То есть он и убийца были последними, кто видел ее живой. – Он поколебался и добавил: – Если, конечно, это не один и тот же человек.

Эрик кивнул в сторону кухни.

– Ее зовут Анна, между прочим. Я нашел старое удостоверение личности в комодике прихожей. Лежит на кухонном столе.

Рикард пошел в кухню, посмотрел фото на удостоверении. Да, это была она, девушка, лежавшая в спальне. Анна Борг. Двадцать три года. Он осмотрелся. Ничего нигде не перевернуто вверх ногами, ничего не разбито. Все, кажется, стоит на своих местах, включая грязную посуду. Ничего, что указывало бы на недавнее убийство женщины в соседней комнате.

– Ты не видел ее мобильника?

Он смотрел на закрытую дверь, ведущую из кухни.

Эрик прошел мимо него.

– Нет, но, как я уже сказал, здесь есть еще одна комната.

Эрик положил руку на дверную ручку. Он пытался сдержать улыбку и выждал несколько секунд для усиления драматического эффекта. Потом открыл дверь.

– Мобильник может быть где-то здесь. Но я его пока не нашел.

Эрик с довольной миной наблюдал за Рикардом, застывшим с открытым ртом. Контраст с другой спальней был сильным. Яркий выраженный белый минимализм сменился хаосом, будто по комнате прошел тайфун. Эрик покачал головой.

– Как будто шагнул в Зазеркалье вместе с Алисой, правда? Такое множество и разнообразие цветовых ощущений можно получить, только если нажраться ЛСД и при этом еще смотреть в калейдоскоп с разноцветными стеклышками.

Картины, фотографии, самодельные коллажи и плакаты не только теснили друг друга на всех стенках, они начали вылезать и на потолок. Сувениры, всякие безделушки и мягкие игрушки стояли на столике у кровати и на небольшой книжной полке у стены. Рядом с гардеробом валялись горы одежды, сумок, книг, лаков для волос, вешалок и обуви. Все было разбросано, как после бомбежки. Рикард сделал шаг назад.

– О господи. Тут нашим техникам будет чем заняться.

Они вышли обратно через кухню в прихожую. Рикард посмотрел на входную дверь, которая казалась неповрежденной:

– Дверь была закрыта на замок, когда ты пришел? Или как ты сюда вообще попал?

Эрик старательно избегал его взгляда.

– Это зависит от того, что ты называешь замком. Дверь тонкая, старая, замок фирмы «Асса» начала двадцатого века, никакого дополнительного замка, одобренного полицией. То есть эта дверь из тех, которые никогда в общем-то толком не закрыты. Они открываются, если ты на них сильно подуешь. Но вообще-то она не стояла нараспашку.

– Окей, давай просто уточним: ты считал, что положение до такой степени серьезное, что не стал ждать ордера на обыск и просто сильно подул на дверь? Эту стратегию, думаю, ты позаимствовал в сказке «Три поросенка»?

Эрик улыбнулся.

– Ты имеешь в виду злого волка? Ну, ладно, я мог и толкнуть дверь чуть-чуть. Но теперь, когда мы знаем, что в этой квартире находится труп, надеюсь, ты можешь дать разрешение взломать дверь, так сказать, задним числом.

Рикард безнадежно пожал плечами.

– Черт тебя дери, Эрик. Ты когда-нибудь нарвешься! В следующий раз попроси разрешение заранее. До того, а не после.

Вот именно такие случаи и привели к тому, что Рикард был одним из немногих, кому нравилось работать с Эриком. Другие коллеги в полиции старались его избегать, считая безответственным, непредсказуемым и действовавшим чересчур поспешно. Рикард мог кое в чем согласиться, но после восьми лет работы бок о бок он понял, что за этой кажущейся безответственностью скрывается подлинная интуиция, приводившая к тому, что Эрик почти всегда оказывался прав. Но, да, конечно, он был склонен к импульсивным действиям, не задумываясь о последствиях, а это опасная тенденция в их профессии. Рикард знал, что Эрика не раз вызывала к себе на ковер начальник их отдела Луиса Шестедт для объяснения своих противоправных проникновений в квартиры подозреваемых без ордера на обыск. Чаще всего оказывалось, что для подобных действий у Эрика были совершенно явные основания. За взломанными дверями обнаруживались склады наркотиков, избитые женщины или настоящие бордели. Но иногда не было ничего: один только Эрик, подозрительная квартира с дверью, которая мешала полиции войти, и вдруг – просто криво висела на одной петле. Но Рикарду нравилось с ним работать, Эрик был крутым, решительным и ничего не боялся. Они хорошо дополняли друг друга и добивались нужных результатов.

Рикард прислонился к стене.

– Если ты так легко сюда проник, значит, и кто-то другой мог открыть дверь так же легко. То, что на двери нет следов взлома, еще не значит, что Анна сама кого-то впустила.

Эрик согласно кивнул.

– Мне было бы легче, если бы ее убил кто-то чужой, а не знакомый ей человек. Не хочется верить, что какой-то родич или бывший бойфренд мог вот так ее раскрасить и вырядить.

Они вернулись в спальню, где Анна сидела, опираясь на подушки у изголовья постели. Синие пластиковые бахилы шуршали на ковролине, когда Рикард снова пошел к кровати. Он обошел стороной одежду, валявшуюся на полу. Женщина все так же таращилась на него раскрытыми глазами, и у него появилось неприятное чувство, что она могла бы быть восковой фигурой из Музея мадам Тюссо. Он быстро отвел взгляд и стал осматривать комнату. Стены были совершенно пусты и ничем не украшены – ни картин, ни афиш, ни фотографий, и на столике у кровати тоже было пусто, ни книг, ни журналов. Ничего из того, что можно было бы ожидать, типа декоративных подушек, мягких зверушек, статуэток или сувениров.

Не было даже стула, на который можно было бы сложить одежду перед сном.

– Как будто в отделе продажи мебели на выставке-ярмарке. – Эрик возник в двери за его спиной.

– Да уж, контраст со второй спальней просто огромный. Кажется, будто комнату специально готовили к выставке. Кто угодно мог бы здесь жить. Может, она собиралась продавать квартиру? Надо будет поспрашивать об этом ее родителей и друзей.

– Да, у меня тоже возник вопрос, сколько человек здесь жили, раз тут две спальни. Но по словам Грегори, она жила одна. Хотя, быть может, она планировала сдавать эту комнату в аренду кому-нибудь в университете?

– Или через Airbnb.

Рикард прошел дальше в спальню и остановился рядом с кроватью. Слабый запах лака смешивался с тяжелым ароматом, как он думал, лосьона с ванилью. Взгляд женщины по-прежнему упирался в стену напротив. Он подошел ближе, провел пальцами по обоям. Они выглядели совсем новыми. Никаких светлых квадратов, которые остаются после снятых картин, никаких булавок или гвоздиков.

– Ну, и еще вот это чудовище. – Эрик показал на некий монолит, который резко выпадал из минималистского стиля интерьера комнаты. Это была единственная мебель, помимо кровати и столика: огромный черный шифоньер, высотой чуть ли не до потолка, величественный,

как башня. Покрытое черным лаком дерево груши или лиственницы, с темной аркой в центре, затеняющей большое зеркало внутри. По обеим сторонам зеркала стояли колонны, составленные из маленьких коробочек с украшениями. Замки и ручки нижних ящиков были серебряными. Рикард кивнул. Он как-то не думал об этой громадине, пока стоял к ней спиной. Но это и на самом деле был гигантский шкаф. Наверное, наследство какого-нибудь покойного предка.

– Подожди-ка... – Он подошел ближе и протянул руку в темноту под арочным сводом. Осторожно вытащил ноутбук с поднятой крышкой и экраном, направленным прямо на женщину в кровати. Осторожно, острием ручки, нажал на клавишу ввода. Никакой реакции. Тогда он попробовал нажать на кнопку включения. Нет, ничего.

– Комп совсем сдох.

Он достал карманный фонарик, осветил на экран и закрыл крышку.

Никаких отпечатков пальцев он не увидел. Единственное, что было видно на внешней стороне крышки, это кусочек скотча.

– Ты уже позвонил в техническую экспертизу?

– Нет, я хотел сначала согласовать с тобой. Я позвоню Марии?

– Не надо, я сам ей позвоню. И я могу дождаться ее здесь, пока ты займешься мобильником. Даже если мы его найдем, все равно лучше быть на шаг впереди. Проверь ее абонемент и оператора или провайдера. Запроси списки всех разговоров по сотовому.

– Запросить триангуляцию ее телефона базовыми станциями? На тот случай, если убийца унес ее мобильник с собой.

– Подожди с этим, пока Мария не подтвердит, что сотового здесь нет. Я позвоню позже, если что.

Рикард посмотрел вслед Эрику, уходящему из квартиры жертвы, и не мог не улыбнуться. Мешковатые брюки коллеги болтались, кепи съехало набок. Блеснула наклейка на козырьке, когда зажглась лампа на лестничной площадке.

Эрик был прав, звонить надо было именно Марии Седерлунд. Ни о ком другом не стоило даже и думать. С тех пор как она шесть лет назад начала работать в отделе технической экспертизы, ни ему, ни Эрику и в голову не приходило сотрудничать с кем-то еще. В глазах Рикарда она была не только самым компетентным экспертом в деле исследования мест преступления. Она обладала еще одним редким качеством: она была уверена в себе и своем профессионализме. И если другие специалисты, с которыми приходилось сотрудничать Рикарду, долго мялись, сомневались, не решались высказывать никаких предположений до конца экспертизы, то у Марии хватало смелости давать быстрый, но предварительный ответ. Нужно обладать высокой долей мужества, чтобы сделать отступление от профессионального кодекса. Далеко не все по достоинству ценили ее методы. Многие коллеги считали, что она не умеет и не хочет работать вместе, одной командой, а предпочитает быть «игроком-одиночкой», что могло навредить профессионализму.

Было несколько случаев, когда Марии действительно пришлось изменить свои первоначальные предположения, но на такой риск Рикард шел охотно. Ему главное было услышать хоть какую-то гипотезу, ведь раннее начало расследования могло стать решающим для достижения результата. Ну а его личный интерес к тому, чтобы вызвать на место преступления именно ее, делал выбор – кому звонить – еще легче.

Глава 4

Рикард снова вздрогнул, закончив разговор с Марией и выйдя на улицу. Безжизненное и покрытое лаком тело Анны не выходило из головы. Все было именно так, как эту картину назвал Эрик. Инсталляция. Нечто подобное мог бы вполне выставить в стокгольмском Музее современного искусства, например, Джефф Кунс⁶. Голос Марии его немного успокоил, но ему все равно надо было где-то присесть, чтобы подумать и разобраться в своих мыслях. Он медленно шел по улице, нарочито глубоко дышал и вообще всячески пытался избавить свои легкие от воздуха с места преступления.

Мысли продолжали беспорядочно метаться в голове и когда он сел за столик ресторана «Рамблас» на углу улицы Лонгхольмсгатан. Что могло толкнуть убийцу на такой мерзкий способ убийства? Что это за тип человека? Какого именно психа надо искать? Ведь речь не может идти о банальном разрыве отношений и ревности. Хотя и это могло быть мотивом. Что хотел сказать убийца? Какую мысль донести? Поверхностность жертвы? Поэтому тело покрыто лаком? Угасшая любовь? Отсутствие эмоций? Бесчувственность, как у пустой и лишенной души куклы? Он попытался перестать думать на эту тему и заказал кофе. Мария должна бы уже быть на подходе.

Они с Марией никогда официально парой не были, а в последний год и вообще почти не виделись помимо работы. Самое интенсивное время их свиданий пришлось на период сразу после развода Рикарда. Почему в последнее время они стали встречаться все реже, ему было не очень понятно. Одной из причин наверняка было то, что и Мария за это время успела развестись. Теперь оба они были заняты по горло: надо было как-то комбинировать работу и планировать наперед встречи с детьми. А то время, которое вроде как должно было после этого еще оставаться, оно просто куда-то бесследно улетучивалось. Или он ей уже надоел? А может, она нашла другого? Его захлестнула волна тревоги, когда до него дошло, как мало он знает о том, что теперь происходит в ее жизни. Зато стало ясно, как ему ее не хватает.

Он повернулся лицом к солнцу, которое поджаривало стену дома, и пригубил кофе. На другой стороне улицы Хегалидсгатан за столиком итальянского ресторана «Дэрмед-паста»⁷ сидел пожилой мужчина, отнюдь не разделявший его солнцепоклонства. Толстое осеннее пальто, черная кепка, надвинутая на лоб до самых черных очков, будто бы зима притаилась за углом и собиралась вернуться обратно. Рикард покачал головой и заказал бутылку холодного легкого пива, хотя и испытывал потребность в чем-нибудь покрепче. Молодая блондинка в летнем платье беззвучно проскользнула на лонгборде. Покой и умиротворение. Будто невесомые эльфы кружатся в воздухе. Ему совсем не хотелось возвращаться в квартиру, где сладковатый трупный запах смешивался с химической вонью лака.

Один лишь голос Марии по телефону привел его в такое приподнятое настроение, какого у него давно не было. А ведь он колебался, стоит ли ей звонить. Во-первых, она не дежурила в эти выходные. А во-вторых, они вообще давно не общались частным, так сказать, образом. Даже по телефону. Но она согласилась приехать без всяких колебаний, сказала, что рада будет увидеться, хотя он звонил по работе.

Мужчина в черном кепи и солнцезащитных очках, сидевший через дорогу, отпил глоток кофе, глядя, как Рикард наливает себе пива. «Если это он и есть – мой главный противник, то его можно не бояться», – думал он. Неужели этот захмелевший солнцепоклонник и есть тот лучший кадр, что они смогли наскрести?

⁶ Jeff Koons – американский художник, известный своим пристрастием к китчу, особенно в скульптуре (*прим. пер.*).

⁷ Игра слов – «И баста!», «Хватит!», где слово «баста» заменено на «паста», создавая эффект окончательности «Только паста» (*прим. пер.*).

Мария поставила велосипед у ресторана «Рамблас», и они осторожно, даже неловко, обнялись. Она успела немного загореть, волосы тоже немного выгорели на солнце. Он еще не видел ее с этой короткой стрижкой под пажа. А вот морщинки были старыми знакомыми и явно проступали, когда она улыбалась. Красивая женщина. Майка с большим вырезом, старые джинсы. Ничто в ее одежде не выдавало, что она собиралась на работу. Кроме рюкзака.

– Что случилось с твоим старым добрым серебристым чемоданчиком из стали? Вот это похоже на обмундирование частей Navy Seals. – Он кивнул на ее рюкзак камуфляжной расцветки, как военная форма. Она улыбнулась.

– Я же на велосипеде. А стальной чемодан в велосипедную корзинку никак не лезет, вот и пришлось импровизировать на ходу. Ну что, пойдём глянем?

Рикард с Марией кивнули молодому парню, только что сменившему коллегу у двери в квартиру. Он уже выглядел уставшим, а ведь впереди у него было дежурство до самого вечера. Мария натянула защитный комбинезон и достала из рюкзака дополнительную вспышку к цифровой камере. Сфотографировала замок входной двери, одежду и обувь в прихожей. Рикард вошел вслед за ней в квартиру.

– Мы не обнаружили ни крови, ни пятен спермы. Единственное полезное – это компьютер. Но в нем разряжена батарейка.

Мария вздрогнула и резко остановилась в дверях комнаты, где сидела Анна. Она поморгала от резкого света прожекторов и сделала шаг назад. И хотя Рикард описал ей сцену, когда звонил, все равно ее передернуло от омерзения. Ни с чем подобным до сих пор ей сталкиваться не приходилось. Жара от перегретых ламп, блестящее от лака тело и аромат духов. Плюс слабый запах моющих средств. Хлорка? Она вошла с камерой, медленно двинулась вдоль кровати и наклонилась в поисках подходящего угла съемки.

– Ничего страшнее я не видела. Кто мог сотворить подобное?

– Мы пока не нашли никаких следов. Никто сюда не вламывался, нет никаких признаков борьбы. Мы подумали было, что это могла быть какая-то сексуальная игра, которая зашла слишком далеко. Или ревность.

– То есть это был кто-то, кого она знала? И совершенно чокнутый к тому же. Вряд ли такое возможно.

Мария присела на корточки. Вспышка камеры сверкнула на лакированном теле. Она развернула вспышку к потолку.

– Ты успел посмотреть социальные сети?

– Нет, не успел. Сейчас займусь и оставлю тебя в покое.

Он вышел в кухню и уселся с мобильником в руках. Набрал в поиске Анну Борг и начал листать. Одно попадание на Седермальме. Посмотрел на фото. Она.

Мария навела камеру для панорамного снимка, попятилась в самый угол спальни и подняла фотоаппарат над головой. Потом отвинтила объектив и перешла к съемке крупных планов и деталей. Неряшливо наложенный макияж. Треснувший лак, создавший паутинки морщинок на щеках жертвы. Кровоизлияния на слизистой оболочке глаз. Отметила, где стоял компьютер и куда был направлен монитор. Она крикнула в сторону кухни:

– Похоже, что ее задушили. Вытаращенные глаза, лопнувшие капилляры. Возможно еще и снотворное или препарат, ведущий к параличу мышц. Никаких следов попыток сопротивления или борьбы. Если бы это было, на теле остались бы следы.

Рикард молча кивнул. Мария показала на шею Анны:

– Судя по трупным пятнам, она скончалась ночью.

– Да, это примерно то, к чему мы с Эриком тоже пришли.

– Нашел что-нибудь на «Фейсбуке»?

– Нет. Зато нашел кучу в «Инстаграме». Бесконечные фотки. Частые обновления. Но ничего из ряда вон выходящего. Такой же нарциссизм, как у большинства. Ее лента открыта.

Доступна всем. Ясно, что ей нравилось красоваться. На большинстве снимков в центре она сама. Все время в разных прикидах. Одежда дорогих марок. Масса фоток косметики, бижутерии и обуви.

– Никаких снимков ролевых игр или маскарадных костюмов?

– Нет. Одежда самых последних моделей. Может быть, для посещения клубов? Многие фотографии, похоже, сделаны в ночных клубах и барах. И в дорогих ресторанах. Масса ее снимков с бокалом шампанского или коктейлем. И блюда ресторанные тоже не из дешевых. Омар. Эксклюзивные суши. Парочка таких фоток, кстати, прицеплена магнитиками на дверце холодильника.

– Окей. Понятно. Девушка вела довольно бурную жизнь. Развлекалась на всю катушку. Что-нибудь известно о ее работе?

– Студентка. Училась в университете. Но какой-то заработок у нее должен был быть. Студенческой стипендии и близко не может хватать на такую шикарную жизнь. Или ее кто-то все время приглашал и, соответственно, платил за угощение.

– М-м-м... Студентка с богатым бойфрендом, который ее содержит? Допустим. Но это редкое явление в равноправной Швеции.

Мария наклонилась к одному из прожекторов. Защелкала камерой. Перешла к другому. Осторожно повернула лампу. Обе раскалились добела. Рикард встал у нее за спиной.

– Это не было импульсивным убийством. Ведь он притащил с собой лак и прожекторы.

Мария отрицательно покачала головой и выключила оба прожектора. Комната сразу стала казаться темной, несмотря на лампу под потолком.

– Нет, прожекторы стояли тут давно. В них въелась пыль. Никто их не трогал как минимум неделю.

– Да ты что?

– Да уж, смиришься. Возможно, Анна ими пользовалась, когда фотографировалась в новой одежде. Для какого-нибудь блога. Или в «Инстаграм». Тебе там не попадались снимки, сделанные именно в этой комнате?

– Нет, но я еще не успел все пролистать. Да она могла пользоваться и другими сайтами.

Мария показала на компьютер:

– Я заберу его с собой в лабораторию. А потом эксперты из Национального криминологического центра проверят, какие сайты она посещала и что есть у нее на жестком диске.

Она повернулась к нему:

– А ее сотовый? Нашли?

– Нет. Но он может быть в другой комнате. Мы не хотели там особо рыться.

Она посмотрела на него с удивлением:

– Вот как? Но вы хоть посмотрели там?

Он кивнул и с любопытством наблюдал за ее реакцией, когда она прошла через кухню и открыла дверь во вторую комнату.

– О господи ты мой боженька! Вот это разгром на уровне хаоса. Ничего себе разница! Может быть, она пользовалась той спальней как фотостудией? Как красивой декорацией для своих шикарных нарядов.

Она начала фотографировать кучи барахла и афиши на стенах. Рикард подошел к балконной двери и посмотрел на внутренний двор двумя этажами ниже. С этой стороны вряд ли кто-то мог забраться. Из комнаты послышался голос Марии:

– В гардеробе все не так страшно. Одежда висит рядами. Дорогие бренды. Платья. Туфли на каблуках. Сапоги. Много вещей практически неношенных. Дорогие привычки были у хозяйки, это точно.

Она вернулась в кухню.

– Нет там никакого телефона.

– Значит, его забрал убийца. Эрик занимается списками звонков, надо будет запросить и триангуляцию тоже. Даже учитывая, что убийца наверняка уже выбросил телефон куда-нибудь.

– Да, но если нам повезет и он все еще не избавился от телефона, то мы его быстренько запеленгуем. А теперь давай двигай отсюда. Мне здесь тоже нужно фотографировать.

Он встал и кивнул в сторону раковины с двумя чашками из-под чая.

– Может, к ней вчера вечером пришел кто-то в гости? – предположил Рикард.

– Да, как ты и сказал, это не убийство сторяча. Это мог быть кто-то из ее знакомых. Но это ужасно, если так.

Он вышел на лестницу, чтобы ей не мешать. Она позвала из кухни:

– Тут бумажка прилеплена под одной из фотографий на холодильнике, видел? Имя пользователя: Анна Б. Но никакого пароля.

Она вышла в прихожую, опустилась на колени и начала брызгать силиконовым маслом на след ноги, который, похоже, был отпечатком сапог Анны, валявшихся в углу. Потом она приложила к жирной поверхности лист бумаги и покрыла полученный узор темным порошком, чтобы только после этого положить в пластмассовый пакет.

Из рюкзака она выкопала банку и кисточку.

– Смотри, может, ты еще не видел. Довольно новые штуки. Магнитный порошок. Цепляется намного лучше старой угольной пудры. – Мария посмотрела на него и начала поиск отпечатков на поверхности двери, красиво поворачивая кисточку.

– На ручке были отпечатки, но они размазаны. Убийца был, вероятнее всего, в пластиковых перчатках, а отпечатки принадлежали Анне. Они стерлись, когда он открыл дверь. Подожди еще чуть, я скоро закончу. – Аккуратно, по одной, она уложила пробирки с дистиллированной водой, куда окунула пробы на ватных палочках, в рюкзак.

– Обработка по первому кругу готова. Остальным займемся завтра. Мне нужно только еще одно сделать у Анны в спальне. Ты поддержишь мне ультрафиолетовую лампу, пока я обрызгаю там аэрозодем.

Он вернулся в спальню, встал на колени и направил свет на область внизу, под кроватью. А Мария пока брызгала особым раствором, чтобы увидеть, есть ли там следы крови. Он продолжал держать свет и когда она перешла к прикроватному столику.

– Чисто. Слишком чисто. Думаю, что убийца воспользовался каким-то хлорным раствором или чем-то похожим, чтобы все тут очистить. Я даже нигде не могу найти отпечатков пальцев самой Анны. Что совершенно неестественно. Но я все равно взяла мазки со всех поверхностей. На всякий случай.

Он убрал ультрафиолетовую лампу и подождал, пока она заканчивала работу в спальне. Волоски и биопробы – все сортировалось, приклеивалось и надписывалось, включая и отпечатки пальцев на черной громадине шифоньера.

– Ну вот, на сегодня все. Вопрос только, оставил ли он после себя хоть какие-то следы. Пока я этого не вижу. Но завтра мы проверим еще более основательно. Ты будешь здесь? Я возьму с собой ассистента.

– Да, хорошо. – Он колебался. – А сейчас у тебя что? Ты куда-то спешишь или мы можем выпить по кружке пива? Хочется немножко расслабиться и прийти в себя.

– Да, вполне. Пойдем куда-нибудь поблизости?

– Пойдем в «Рамблас» на этой же улице, где встретились. Это, может быть, не самое уютное место, но зато там можно тихо посидеть и никто не мешает, когда надо что-то обсудить.

Или просто побыть вместе, без посторонних, подумал он, беря телефон.

– Подожди секундочку, и пойдем. Мне нужно позвонить Юнгбергу и попросить, чтоб он сообщил о смерти Анны ее родственникам. И чтобы с ними кто-то предварительно поговорил.

– Окей. А я пока позвоню судмедэксперту насчет вскрытия.

Она вошла в кухню, положила чайные чашки из раковины в пакеты для вещественных доказательств. И тоже взялась за мобильник.

Рикард набрал номер Андерса Юнгберга. И сразу попал на автоответчик. То же самое с домашним телефоном. Никто не отвечает. Он вздохнул, но не удивился. Воскресенье. Отец семейства мог быть занят чем угодно: футбол, плавание, гимнастика или еще что-то с детьми. Или просто прогуливался по саду в пижаме. А может, даже пригласил жену на выходные в Yasuragin⁸.

Рикард колебался. Сообщение о смерти и первый разговор с семьей откладывать нельзя. Всегда есть риск, что пресса опередит полицию и разстрезвонит об этом. Такое случалось и прежде. Выбора у него не было, потому что выбирать было не из кого. Юнгберг обладал уникальной способностью беседовать с родственниками жертвы так, что они могли за что-то ухватиться, как за соломинку, чтобы не погрузиться в бездну мрака. Откуда у него брались на это силы, Рикард не имел понятия. Ему лично трудно было обнаружить какой-то смысл в том, что жизнь преходяща и конечна, найти облегчение страданиям или смириться с безграничностью зла, которое возвращалось в его повседневной работе во все новых обликах. Потерянно вздохнув, он набрал номер в последний раз и, к собственному удивлению, услышал голос запыхавшегося Юнгберга на фоне детского смеха.

Мария вела свой велосипед и посматривала на Рикарда, говорящего по телефону, пока они шли к углу улицы. Он все еще хорошо выглядел, несмотря на усталый вид. Более усталый, чем в прошлый раз, когда они виделись. Новые морщинки у глаз. Щурится на солнце, может, поэтому? Волосы так и остались русыми, хотя седины в них немного прибавилось. Не растолстел. Обычно мужчины в его возрасте быстро набирают лишний вес. Так было у ее мужа, с которым она не так давно разошлась.

Столики на тротуаре у ресторана пустовали. Они сели, Рикард заказал две бутылки мексиканского пива «Dos Equis». Ледяного. Они молча пили. Смотрели друг на друга. Мария начала нетерпеливо ерзать на стуле. Трудно было стряхнуть с себя неприятные ощущения от квартиры жертвы. Мария наклонилась к Рикарду:

– Что, по-твоему, означает это превращение в куклу? Ты слышал что-нибудь подобное?

Он отрицательно качнул головой:

– Нет. Это отвратительно, но до меня не доходит, что он хотел этим сказать. Секс? Порно? Объективация – восприятие ее как товара или объекта для использования? Я, честно говоря, не знаю.

– Думаешь, есть риск повторения?

– Этого не должно случиться. Мы возьмем его. Я встречу завтра утром с Луисой, потом мы с тобой опять можем здесь встретиться. Не может быть, чтобы мы ничего не нашли. Хотя бы в компьютере. Или в списке телефонных разговоров.

– Юнгберг будет беседовать и с ее сокурсниками по университету?

– Нет, только с близкими родственниками. Узнает, был ли у нее бойфренд. Университетом займется Эрик. Завтра. И соседями. Когда они вернутся после выходных.

После некоторого колебания он накрыл своей рукой ее руку, когда она вернулась со следующим пивом и села обратно.

– Мне тебя очень не хватает. Я тосковал по нашим встречам. Куда они делись? – Рикард почувствовал чрезмерную настойчивость в своем голосе. Непривычная ситуация. А ведь они регулярно встречались уже несколько лет. Но теперь между ними возникло какое-то новое притяжение. Новые ожидания, предчувствия?

⁸ «Yasuragi» на японском означает «внутренний покой и гармония». В Стокгольме – эксклюзивные спа с отелем, бассейном и прочим (прим. пер.).

– М-м-м... Много всего накопилось за последнее время. Надо было делить вещи, переезжать, договориться, в какие недели дети будут у него, а в какие у меня. Проблемы с детьми, которые не очень понимают, что происходит, почему надо переезжать и почему папа живет отдельно. Совершенно новая жизнь по сравнению с тем, что было всего несколько месяцев назад. – Она замолчала. Рикард кивнул:

– Я знаю. Сам через это прошел. Будет лучше. Поверь. – Сам он пока не успел почувствовать этого обещанного всеми вокруг улучшения. Но с сыном, с Эльвином, у него действительно установились намного более близкие отношения, чем были до развода. Хотя они с женой поделили время общения с сыном пополам. То есть формально он проводил с сыном вдвое меньше времени, а эффект получился обратный – отношения улучшились.

– Да, так и будет, наверное, хотя пока все принятые решения кажутся какими-то временными, преходящими. Да и работы навалилось выше головы. Но мне тебя тоже не хватало. Ты помог мне найти отдохновение. И вполне можешь снова попробовать.

Теперь будет труднее. Это Мария чувствовала по себе. Как выразить доброжелательно ожидание, чтобы сразу не оттолкнуть? Было бы легче, если бы она не испытывала никаких чувств. И все-таки, если честно признаться самой себе... Она не стремилась вступить в новые отношения. Не так быстро после развода. Она вообще не была уверена, что Рикард именно тот, кто ей нужен. Если представить, что она бы решилась сделать такой шаг. Да, им было хорошо друг с другом, что не мешало ей прекрасно видеть и обратную сторону медали. Он был дьявольски упрям. Стремился принимать решения за других. Раньше все было иначе. Тогда их встречи были для них желанным убежищем, где они прятались от тех жизненных обстоятельств, в которых находились. Но теперь в воздухе витали слова, которые так никогда и не были произнесены. Ей тридцать шесть лет, и она не хочет спешить. Ей нужно побыть самой собой, подумать. Той свободы, которую она недавно заново обрела, не хотелось лишаться, не подумав как следует.

Они медленно шли рядом. Вечер был холодным, небо цвета голубоватой стали. Панорама города со стороны улицы Монтелиуса, которая нависала на самом краю обрывистой кручи над набережной Седер Мэлларстранд, была просто потрясающей. Свет уличных фонарей и неоновых реклам отражался в воде. Кто-то еще догуливал на борту своей яхты внизу у пристани, оттуда доносился звон бутылок и бокалов. На следующее утро одинокий лонгбордист присядет на обрыве, и взгляд его будет отдыхать на том же самом виде на Стокгольм. С этим человеком Рикарду придется иметь много дел. Это будет потом. А пока они совершенно одни. Прогуливаются. Рикард обнимает Марию за плечи. Велосипед, который она катит, издает ритмичные звуки. Тик-тик-тик-тик. Время идет.

Глава 5

Идеальное утро для катания на досках, подумала Линн Столь и еще раз оттолкнулась ногой, чтобы одолеть подъем в конце улицы Рингвэген. Солнечно и тепло. Большинство мужчин, но и многие женщины, только что вышедшие из заказного автобуса с итальянскими туристами у переулка Иттерста Твэргрэнд, обернулись и посмотрели ей вслед, когда она промчалась мимо. Их внимание привлекло отнюдь не то, что она на высокой скорости просвистела мимо них на своем лонгборде. А скорее то, что увиденное подтвердило – частично – тот образ Швеции, который они и ожидали увидеть. Итальянские туристы кивали друг другу, а одна из женщин отпустила комментарий по поводу «чисто шведской» внешности Линн: высокая, блондинка, светлокожая, с намеком на загар, в коротком платье в цветочек. Они не успели отметить ее серо-голубые глаза. Но если бы и заметили, то еще больше уверились бы в том, что они только что видели типичную эмансипированную шведку.

Линн совершенно не обратила внимания на тот интерес, который вызвало ее появление. Если бы она заметила эти взгляды, то, скорее всего, они бы ей не понравились и она бы их просто проигнорировала. Тот факт, что она пролетела мимо на своей доске, не означал ни того, что она жаждала внимания, ни того, что она хотела притвориться артисткой цирка. Дело в том, что ее лонгборд был попросту тем единственным транспортом, который давал ей абсолютную свободу. На нем можно было съезжать вниз, подниматься вверх, брать с собой в автобус, переносить через горы, проезжать по самым узким тропкам или привязывать к рюкзаку.

На итальянцев она вообще не смотрела. В тот момент она пыталась увернуться от автобуса № 66, который быстро приближался сзади, и одновременно не вылететь на встречную полосу. Сильно оттолкнулась, чтобы успеть свернуть на сниженный бордюр тротуара и не оказаться зажатой между ним, автобусом и встречной машиной такси. Скорость быстро снизилась из-за подъема в гору Шиннарвиксберьет. Она взяла доску под мышку и пошла вверх. За забором детского садика «Сливовый лужок», расположенного в одном из многих колоритных домиков, сохранившихся на Седере⁹, она увидела сливовые деревья. В полном цвету. Дети кружились под ними, играя в зиму, и кричали от восторга, охотясь за облетающими лепестками, как за снежинками. Двое ее племянников, дети сводной сестры, ходили в этот же детсад не так уж и давно, и она не раз приходила сюда их забирать.

Линн продолжала подниматься в гору, миновала детский сад, и ей пришло в голову, что она потеряла то детское ощущение беспричинной радости, которое когда-то у нее было. Ей только что исполнилось двадцать девять, но казалось, что она еще совсем недавно бегала по двору с Мелиндой и Фредриком, друзьями детства, и играла в прятки. С каждой неделей на нее напознала серая туча серьезности, отгонявшая радость, игривость и любовь. И хотя она считала себя оптимисткой, ее не покидало ощущение, что и в ее окружении, и в большом мире в целом было много такого, что отнимало у нее радость жизни. Передвижение по городу на лонгборде стало для нее отличной терапией. Сосредоточивать внимание на езде по стокгольмским улицам было хорошей тренировкой для психики.

Поднявшись до конца переулка Иттерста Твэргрэнд, она стала смотреть на тех, кто занимался даунхиллом¹⁰. Спуск тут крутой, асфальт идеально гладкий, так что участники этих экстремальных гонок почти касались земли руками в перчатках, чтобы сделать крутой поворот. Скорость была такой сумасшедшей, что казалась просто нереальной. С этим наверняка соглашались бабульки из дома престарелых. Они смотрели сквозь окна и становились зрительни-

⁹ Седер – традиционное название южной части Стокгольма, сокращение полного названия острова Седермальм (прим. пер.).

¹⁰ Скоростной спуск на специальных велосипедах (прим. пер.).

цами, пусть и недобровольными. Разница между Линн и дэхашниками состояла в том, что она стремилась к своего рода медитации, сюрю в ощущении полета, а не гонялась за адреналиновым всплеском от высоких скоростей и риска.

Она остановилась у крутой отвесной скалы, которая вела к радиомачте на самом верху горы Шиннарвиксберьет. Поискала глазами и быстро нашла камни, по которым, как по лестнице, можно было забраться на самый верх. Вот это и есть гармония, подумала она, когда вскарабкалась наверх и под ее ногами оказался вид на Стокгольм. Твое настроение не играет никакой роли! Даже если тебе тоскливо – когда город открывает свои объятия, невозможно не почувствовать умиротворения. Гора Шиннарвиксберьет была одним из тех мест, куда она возвращалась охотнее всего. Идеальная точка для размышлений о жизни и своем пути в жизни. Отсюда открывался потрясающий вид на Ратушу с тремя коронами, которая казалась плывущей на водах озера Мэларен, церковь Риддархольмсчюркан и попыхивающие дымком из труб парходики у пристани Тегельбаккен. Сегодня погода как раз располагала к философствованию.

Линн положила голову на рюкзак, почувствовала солнечные лучи, согревавшие лицо, но тут, как назло, раздался звук полученной эсэмэски. Она полежала не шевелясь еще несколько секунд, но сдалась. Любопытство победило. Ну, конечно. Эсэмэска была такой, что она сразу пожалела о своей поспешности. Могла бы и вообще не открывать. Хотя бы еще некоторое время. Сообщение пришло от ее руководителя в КТИ¹¹, профессора Кеннета Сванстрема. Профессор застенчиво вопрошал, видела ли она новые списки, повешенные на кафедре математического анализа и информатики. Он исходил из того, что она этих списков не видела, а потому хотел ей робко напомнить, просто на всякий случай, что она сегодня должна читать лекцию для жаждущих знаний первокурсников. В тот же вечер.

Линн безмерно уважала своего научного руководителя и с огромным удовольствием работала на кафедре в качестве ученого-исследователя. Она была сама себе начальником, сама планировала свою работу и распоряжалась своим временем. *Ni dios, ni ato*¹². Профессия, будто специально скроенная и сшитая для анархистки. А вот регулярно читать лекции – это было не самым любимым занятием. Но она была обязана преподавать, чтобы оправдать ту скромную зарплату, которую ей платили.

Впрочем, бывало, что она совсем забывала записывать их в свой календарь. Она не любила читать лекции огромным группам студентов с запавшими глазами, которые без особого энтузиазма кое-что записывали, хотя вполне могли бы почерпнуть эти знания из книг. Но лекции читать было надо, чтобы дать студентам хотя бы иллюзию интерактивности. Это, в свою очередь, демонстрировало бы эффективность работы кафедры и охват студентов. Что опять-таки было необходимым условием для выделения кафедры ресурсов.

Пришлось встать и натянуть на себя обувь марки *Antihero*. На самом деле она абсолютно не интересовалась модой, но ей пришлось согласиться со своим бойфрендом Габриелем, когда он сказал, что не может быть никаких компромиссов, когда речь идет об обуви. А особенно о подметках, раз уж она всерьез решила кататься на скейтборде. Кроме того, название «Антигерой» совпадало с ее жизненной позицией. Разумеется, это означало, что она поддалась на рекламу и позволила манипулировать своим выбором, подчинившись тем умникам, которые втоухали ей мнимое противостояние мейнстриму. Это она тоже понимала. Но у нее не было сил подвергать сомнению все без разбора, а башмаки были нужны.

Свидание со Стокгольмом – вид сверху – было, таким образом, прервано. По пути вниз по улице Гамла Лундагатан она проезжала мимо так называемых «богемных» кварталов, кото-

¹¹ Kungliga Tekniska Högskolan, Королевский технологический институт – один из самых престижных вузов Швеции и Северной Европы (прим. пер.).

¹² Ни бога, ни хозяина (исп., прим. пер.).

рые в XIX веке были жилищами простых рабочих, а теперь превратились в эксклюзивные квартиры, которые было не купить ни за какие деньги. Квартиры принадлежали «культурной элите». Яркий контраст с той реальностью, которая существовала в этом районе всего лет семьдесят назад: тесные квартиры без водопровода, без туалетов и без отопления. В них жили многодетные семьи бедных рабочих табачной промышленности, постоянно кашлявшие из-за туберкулеза. Может, пусть лучше здесь – с лучшим видом на Стокгольм – живут художники, чем какие-нибудь биржевые дельцы. Те бы наверняка перегородили здесь все заборами под током, чтобы спрятать от посторонних глаз свои шикарные приемы с шампанским, подумала она.

Она остановилась, заметив пропущенный звонок от Габриеля.

Габриель, которого друзья звали Габбе, но Линн всегда называла Габриелем, был ее бойфрендом. Ей не нравилось это «Габбе», от которого за версту несло подростковым возрастом, а значит, и она представлялась моложе, чем была. Ничем не лучше было и слово «партнер», абсолютно лишённое всяких чувств и любви. Оно звучало так, как будто речь шла о партнерах по бизнесу. Термин «сожители» тоже не подходил, потому что они жили порознь. Он жил в коллективе художников, занимавших дом за старой верфью на острове Лонгхольмен. А она жила в двухкомнатной квартире на улице Доктора Абелина у метро «Цинкенсдамм». В квартире был крошечный балкон, выходящий во внутренний двор.

В какой-то момент минутной слабости она представила Габриеля одному из своих друзей, описав его как «родственную душу», что вообще-то довольно точно описывало ее чувства. Но как только она это произнесла, так сразу почувствовала, что это сделало ее похожей на какой-то архаизм, реликт, застрявший со времен хиппи. Ни понятие «ню-эйдж», ни туманность определений совершенно не соответствовали ее личности. Скорее наоборот. К тому же у нее было ощущение, что термин «родственная душа» носил оттенок платонических отношений. Что совершенно не соответствовало ее отношениям с Габриелем. Отличный секс – это было то, что она как раз больше всего ценила в их отношениях. Хотя, конечно, ей хотелось бы, чтобы в доме на Лонгхольмене толкалось поменьше народу и стены между комнатами были потолще.

Она уже собралась положить трубку, когда он ответил.

– Subcomandante Gabriel, fuerzas armadas de pintores¹³. – Его притворный испанский акцент звучал убедительно. Голос хриплый. Вероятно, этому способствовали несколько порций виски, много сигарилл и дискуссия о роли искусства в обществе с другими художниками накануне вечером. Впрочем, как и в любой из вечеров в этом коллективе.

– Привет, дорогой, это я. У меня вечерняя лекция, так что я приду поздно, но не позднее девяти.

– Нормально. У меня все равно дел по горло. Надо успеть сделать муральное граффити, которое мне заказал Совет профилактики преступности. Я уже отправил им счет. Будут деньги. И немало. Так что у нас будет вино в коробках, курево и еда на некоторое время.

– Окей. Пока что ты все-таки не живешь за счет «Шведских демократов» или полиции.

Он рассмеялся.

– Ни малейшего риска.

¹³ Шутливый ответ – Главнокомандующий Габриель, вооруженная армада художников (*исп., прим. пер.*).

Глава 6

Мужчине, который видел, как полиция только что прибыла к дому 46 на улице Хегалидсгатан, не надо было далеко идти. Хотя утро было ранним, он увидел довольно много детей на качелях, поднимаясь по тропинке мимо детской площадки на холм к церкви Хегалид. Скамейки между деревьями и кусты были на месте. Все выглядело примерно так, как сохранилось в его памяти. В тех редких случаях, когда ему удавалось удрать от бабушки, он приходил именно сюда, на эту детскую площадку. Ему нравилась царившая здесь тишина, хотя парк расположен вблизи одной из самых насыщенных транспортом улиц Стокгольма. Как зеленая пещера, затаившаяся в гущах джунглей.

Бабушка часто приводила его сюда, когда он был маленьким. Ей нравился парк с мелководным прудом, где плескались ребятишки. Он знал, что церковь Хегалид напоминала ей о времени еще до ее приезда в Швецию. Тут был небольшой христианский приход. Все это не особенно его интересовало. А вот места вокруг были увлекательными.

Случались и неприятные эпизоды, если он подходил к скамейкам. Когда места там уже заняли пьяные мужики, например. Но они к нему не приставали, только хвастались своими шрамами, оставшимися после крушения поезда в пригороде Седерторнс Вилластад¹⁴, где пригородная электричка врезалась прямо в гранит отвесной скалы.

А в последний раз, когда бабушка догадалась, где он прячется, она подросла как раз к тому моменту, когда какой-то препротивный мужик в костюме спрашивал, хочет ли он посмотреть, как тот снимет брюки. После этого случая ему больше никогда не удавалось удрать. Бабушка шла рядом, куда бы они ни направлялись. Даже когда он стал старше.

В бабушкиной квартире, где он спал в одной с ней комнате, у него иногда бывало немного личного, так сказать, времени, если он просыпался раньше ее. И тогда он мог подумать о своей матери. В детстве он часто думал о том, куда она подевалась. Думал, что она уехала по каким-то важным делам, но не знал, куда именно. А может, наоборот, это бабушка с ним уехала? Но бабушка не хотела об этом говорить, и, став постарше, он перестал спрашивать вообще. Он убедил себя в том, что его мама не думала о себе. Что она посвятила свою жизнь помощи другим людям. Тем, кому было тяжело. Например, бедным детям. Детям, которые жили не в таких хороших условиях, как он сам. Он знал, что у него прекрасная жизнь. Которой он не заслуживал. Об этом ему часто говорила бабушка. Он понял, что существует много других людей, которым его мама нужна больше, чем ему. Потому что у него все-таки оставалась бабушка. Но она была очень строгой. Строже, чем мама. Так он думал. Если бы он мог сравнить их, если бы мама вернулась. Но она так никогда и не вернулась.

Мужчина пришел к скамейкам парка Хегалид не по ностальгическим причинам. А по стратегическим. Ностальгии, как и размышлениям о том, что могло бы быть, если бы, не было места в его жизни. Все это признаки слабости. Он и так уже потратил слишком большую часть жизни на переживания о том, чему не суждено было осуществиться. Он вынул бинокль и сломал одну из свисающих веток, заслонявшую ему вид. Устанавливая резкость, он покосился на улицу, чтобы убедиться, что высота выбрана верно. Все правильно. Он смотрел прямо через окно второго этажа дома 46. В окуляре виден был один из оперов с подушкой в руке. Дальше виднелся еще один полицейский. Они были заняты изучением места убийства. Но он был внимателен, и вряд ли они там что-то найдут.

Его беспокоило кое-что другое.

¹⁴ Авария произошла в 1973 году, несколько человек погибли, многие получили тяжелые увечья. Седерторнс Вилластад переименован в Фарстагранд (*прим. пер.*).

В тени стало холодновато, он немного потопал ногами, чтобы согреться, и стал спускаться в сторону паркового пруда.

Рикард с Эриком стояли в спальне. Слабый запах лака все еще витал в пустой комнате. Трудно было себе представить, что в этой комнате могло произойти что-то кошмарное. Тем не менее Рикарда снова начало подташнивать, когда он увидел пятна от лака, образовавшие своего рода раму вокруг углубления в матрасе, где раньше сидела Анна.

– Привет, хорошо, что вы пришли. Я спускалась за кофе. – Мария вошла из прихожей и тут же замолчала, почувствовав неуместную бодрость своего тона. Теперь, когда тело увезли в судебную медицину, прожекторы были выключены, а запахи почти выветрились, она уже не так сильно, как накануне, ощущала ужас произошедшего. Ее пронзило чувство вины. Она осознавала, что после почти десяти лет работы ее чувства начали притупляться. Она положила на кровать распечатанную фотографию жертвы, сделанную вчера. И все же трудно было представить, что мертвая женщина на снимке была живой всего лишь сутки назад. Убийца умышленно сделал все, чтобы превратить ее тело в чужое и нереальное.

Рикард положил ладонь ей на локоть и улыбнулся. Но, заметив, что за ними внимательно наблюдает Эрик, быстро убрал руку и повернулся к окну. Утро, обещавшее солнечный и теплый день, обратилось в разочарование, состоящее сплошь из серых туч. Скоро начнет моросить дождь. Мария показала на фото:

– Судебный медик подтвердил время смерти. Анна скончалась вчера ночью.

Рикард взял в руки фото, внимательно изучил и начал осматривать комнату.

– Что же здесь произошло? Чего мы не видим? Почему комната похожа на ничего не говорящий фасад и зачем на полу у кровати стоят сильные лампы, практически прожекторы?

Он положил фото обратно на кровать. Эта комната действительно была какой-то аномалией. Особенно по сравнению с остальной квартирой.

Мария не ответила. Она делала заметки в блокноте, собрав в очередной пакетик что-то похожее на пыль или крошечные волокна. Закончив, подняла глаза.

– Вы успели проверить, были ли аналогичные случаи?

Эрик обернулся к ней.

– Да, но ни в шведских базах данных, ни у Европола нет ничего, даже и близко напоминающего этот случай. Женщин – жертв преступлений много. Но такого, чтобы их лакировали и превращали в куклы, не было.

Мария рассматривала одну из подушек, прежде чем и ее засунуть в пакет для вещдоков. Она держала подушку перед собой.

– Слабые следы слюны. Или желудочные выделения. Не исключено, что ей приложили подушку к лицу, а она отчаянно пыталась глотнуть воздух.

Рикард кивнул в сторону ламп, стоявших на полу:

– Странно, что эти прожекторы, как ты вчера показала, стояли здесь так долго. Что убийца не принес их с собой. Иначе можно было бы подумать, что он установил яркий свет для того, чтобы заснять свою патологическую инсталляцию. Себе на память. Для удовлетворения какого-нибудь сексуального извращения или чего-то подобного.

– Да, это странно. Я, правда, не обнаружила никаких следов сексуального насилия. Впрочем, последнее слово за судебными медиками.

Мария опустила на колени рядом с одним из прожекторов и повернулась к постели.

– Он использовал тот свет, который уже был здесь установлен. Если он вообще фотографировал. Может, он собирался выложить снимки в интернете, чтобы привлечь внимание? Показать, какой он крутой и какой вызов он бросил полиции, у которой опустились руки?

Рикард покачал головой:

– Надеюсь, что дело не в этом. То, что ты описываешь, похоже на какой-нибудь американский фильм про серийных убийц. В таком случае мы бы уже услышали про снимки. Их бы уже кто-нибудь заметил в сети.

Эрик рассматривал прожекторы.

– И все-таки такой свет должен быть связан с фотографированием. Это же не какие-то уютные бра и не лампы для чтения в кровати. – Он колебался. – И раз убийца использовал эти лампы, то это может означать, что он знал об их присутствии в квартире.

Мария встала с колен и повернулась к нему:

– Ты хочешь сказать, что это был человек, знавший Анну, который бывал у нее в квартире?

– Вот именно.

Рикард согласно кивнул:

– Говорил с Юнгбергом. Родственники Анны в шоке. У него не создалось впечатления, что что-то там не то. Ни родители Анны, ни ее сестра ничего не знали ни о каком бойфренде. Ни о каких угрозах в ее адрес они тоже не слышали. Никто из них не заметил ничего странного. Совсем.

Мария положила очередной пакет с вещдоком в рюкзак и снова повернулась к ним:

– А бывшие бойфренды?

– Похоже, что у семьи были не такие уж тесные контакты с Анной. Никто из них ничего не знал о ее личной жизни в последние годы. Юнгберг будет с ними еще беседовать, может, кто-то что-то и вспомнит. Во всяком случае, они были уверены, что она нигде не подрабатывала. Она сама им это говорила. Что, мол, занята исключительно учебой в университете.

Мария посмотрела на него с удивлением:

– И при этом у нее были деньги на жизнь класса люкс и на дорогую одежду? Она же не из богатой семьи, так? Нет, этого не может быть.

Эрик опять посмотрел по сторонам.

– Может быть, она все-таки сдавала в поднаем часть квартиры и на этом зарабатывала?

Рикард помотал головой:

– Нет. Я говорил с владельцем дома. Анна была прописана в квартире одна. Никакого договора о разрешении сдавать комнату не существует. Он уверен, что ему немедленно донесли бы соседи, если бы заметили, что кто-то чужой проживает без разрешения.

Мария снова присела и начала светить фонариком под кроватью.

– А этот ее сокурсник, который позвонил в полицию? Что его обеспокоило? Почему он, собственно, начал тревожиться?

Рикард посмотрел на Эрика, но ответил вместо него:

– Грегори Линдблад, да, Эрик будет с ними беседовать после обеда.

Эрик пожал плечами:

– Фиг его знает, что за птица. Но в голосе звучало искреннее беспокойство по поводу того, что Анна не явилась. Они вместе писали какую-то работу, трудились в поте лица почти год, а должны были ее сдать как раз после выходных. Последний срок сдачи.

Он пошел к прихожей.

– Пойду гляну, вдруг кто-нибудь из соседей вернулся.

Рикард встал рядом с Марией, внимательно рассматривавшей пустые стены.

– Родители считают немислимым, чтобы она сдавала кому-то комнату. Ей нужны были абсолютные покой и тишина, когда она училась.

– При условии, что родители действительно в курсе дела. Что совсем не факт.

Она еще раз окинула спальню взглядом и в растерянности развела руками:

– Может, все дело в какой-то сексуальной патологии? Например, убийца делал фотографии для какого-нибудь закрытого интернет-форума, специально для фетишистов, обожающих

кукол? Или это садистское убийство, предназначенное для любителей именно таких «жалостливых» кукольных картинок, тоже для избранной публики? Как тот каннибал в Германии?¹⁵

Она посветила фонариком на шифоньер. Блеснул остаток скотча на крышке ноутбука. Она открыла компьютер. Медленно и тщательно изучила все поверхности. И повернулась к Рикарду.

– Абсолютно чисто. Ни одного отпечатка пальцев. Ни пылинки.

– Тьфу ты, блин. Это же мог сделать только убийца?

Она согласно кивнула и занялась встроенной камерой. Ее размеры и оптика явно превышали обычный стандарт. Она обернулась и проследила взглядом за углом камеры. Камера была нацелена точно на постель.

Она подняла ноутбук. Чистый прямоугольник и пыльные контуры совпадали точно. Компьютер обычно стоял на этом самом месте. С камерой, направленной под тем же самым углом.

В двери возник Эрик.

– Соседа напротив все еще нет. А другие мало чего добавили. Очень все спокойно было, говорят. Никакой беготни туда-сюда они не замечали. Никаких шумных тусовок. Никаких чужаков, которых можно было бы заподозрить в съеме комнаты у жертвы.

Мария показала на пыльный контур, пытаясь восстановить ход мыслей. Начала проговаривать свои мысли вслух. Сначала медленно, подбирая слова, потом все быстрее, поскольку выстраивала цепочку рассуждений:

– Тут речь идет не о сдаче комнаты. Похоже, что ноутбук стоял всегда на одном и том же месте, скрытый в шифоньере и направленный на постель. С кровати его почти не видно, так что она не могла смотреть фильмы на таком расстоянии. И нет никаких динамиков для усиления музыки.

Она показала на экран:

– А вот то, что есть, так это совершенно не соответствующая обычным стандартам веб-камера.

Она встала у изголовья кровати, задумчиво оглядывая стены и прожекторы на полу.

– Это студия. Ателье. Рабочий кабинет.

Эрик встрепенулся:

– Для съемок порнографии, ты об этом?

Она улыбнулась:

– Ты не так уж далек от истины на этот раз. Я бы предположила, что речь идет о какой-то форме виртуального секса. То есть она передавала по веб-камере секс с самой собой. А вовсе не фотографировалась в модных новинках для блога.

Молчание обоих следователей Мария истолковала как скепсис по отношению к ее гипотезе.

– Это точно. Именно поэтому у нее были деньги на такой стиль жизни. Эксклюзивная одежда, посещение клубов. Виртуальный секс может приносить большие деньги. – Мария смотрела на них. – Она сознательно создала нейтральный фон для своих съемок. Чтобы ничто не отвлекало внимания. – Она показала на прожекторы, стоящие на высоких ножках: – Свет с обеих сторон от прожекторов плюс от лампы на потолке освещает человека в кровати со всех сторон, не оставляя теней. Идеально, если хочешь снимать видео или фотографировать.

Рикард смотрел на нее серьезно и вдумчиво.

– Значит ли это, что убийца мог узнать Анну благодаря ее эфирам виртуального секса?

Мария кивнула.

¹⁵ Речь идет об Армине Майвесе (*нем.* Armin Meiwes) – немецком убийце и каннибале, получившем международную известность после того, как в 2001 году убил и съел берлинского программиста Юргена Брандеса с его добровольного согласия, предположительно в акте сексуально мотивированного каннибализма. Осужден на пожизненное лишение свободы (*прим. пер.*).

– И он знал, что ее «рабочий кабинет» будет идеальным местом для его э... э... инсталляции. Поэтому он сюда и пришел. Возможно, что Анна в своих шоу выступала с таким же макияжем и прической, в какие ее облек убийца. То есть он решил увековечить ее в виде такого же искусственного объекта, с каким он столкнулся в интернете.

Она замолчала и вздохнула. Если она права и речь на самом деле идет о виртуальном сексе, а убийца находит своих жертв в сети, то им предстоит огромная работа по проверке и отсеиванию тысяч и тысяч людей. Она видела, что и коллеги думают о том же. Она пожала плечами:

– Если мы действительно имеем дело с виртуальным сексом, то мы должны найти платформу, которой она пользовалась для поиска клиентов. Позирование ведь не относится к некоммерческой деятельности, значит, кто-то должен был помочь ей с решением проблемы оплаты услуг.

Рикард смотрел на нее.

– А она не могла с этим справиться сама? Искала клиентов на каком-нибудь чате, форуме, а оплату получала через «Свиш»?¹⁶

– Да, такая возможность есть. Но большинство торгующих киберсексом полагаются на сайт, который служит посредником. Чтобы быстрее находить клиентов. И ради собственной безопасности.

Эрик покачал головой:

– Вот тебе и безопасность. Как, блин, убийца смог найти, где живет Анна? Если она пользовалась таким промежуточным сайтом-посредником, то они никак не могли засветить ее домашний адрес. Не могла же она быть такой душой, что сама написала ему адрес?

– Если она выполняла правила сайта, то нет. Но если клиенты платят сверху, то им могут предоставить эксклюзивные, приватные шоу именно с теми девочками, которые им понравились. На этом зарабатывают и девочки, и поставщики. Это, попросту говоря, дает больше денег. Тогда девочки могут вести беседу в чате индивидуально именно с данным клиентом и выполнять его пожелания. Что, в свою очередь, приносит еще больше денег. Возможно, она сделала ошибку и дала свой номер в таком приватном шоу?

Эрик внимательно слушал. Похоже, что Мария нашла на верный след. Но не менее интересным было и то, что у нее, похоже, уж очень большой опыт в области виртуального секса. Он попытался сосредоточиться, но мысли разбегались совсем не в ту сторону, куда надо.

Заметив застывший взгляд Эрика, Мария догадалась, о чем он думал. И посмотрела на него с раздражением:

– Может быть, ты забыл, что в прошлом году я работала с огромным расследованием о распространении порнографии в интернете? – И, не ожидая ответа, повернулась к Рикарду: – То есть если представить себе, что Анна была обычной студенткой, но стремилась поддерживать такой же дорогой стиль жизни, к которому она привыкла, то в этом случае ей надо было заработать этими веб-шоу как можно больше денег. Особенно если она планировала этим заниматься только короткий период своей жизни. Что чаще всего и бывает.

Никто ее не перебивал. Оба слушали и кивали.

– Веб-сайты такого типа обычно берут себе пятьдесят процентов от платы клиента. Допустим, Анна хотела увеличить свои доходы и договорилась с одним или несколькими клиентами о продолжении контактов, но без посредников. Это было выгодно и для нее, и для клиентов. – Она посмотрела на Рикарда. – Может быть, она пользовалась «Свишем» в таких случаях, то есть мгновенно получала деньги напрямую от клиентов благодаря сервису быстрых платежей. На свой номер телефона. Как только она сделала этот шаг, то попала в серую зону, где стира-

¹⁶ Swish – мобильное приложение, существующее в Швеции с декабря 2012 года и дающее возможность мгновенно перевести деньги с банковского счета на номер телефона (*прим. пер.*).

ются границы дозволенного. От этого и до приема клиентов дома в своей спальне шаг уже не кажется таким страшным. А эта комната вполне подходит для приема избранных клиентов на дому.

Рикард прошел ко второй комнате и открыл дверь.

Они пошли за ним.

– Если та спальня использовалась только в качестве театральной декорации, для кино, то тогда становится понятнее, почему все ее личные вещи собраны именно в этой комнате.

И хотя все они уже были в этой комнате днем раньше, впечатление было все равно ошеломляющим. Мария сделала шаг внутрь и усмехнулась.

– Да уж... Здесь есть чем заняться. – Она смотрела на постеры, развешанные по стенам: Канье Уэст, Рианна, Леди Гага, Метрополитен-музей, афиша выставки в стокгольмском Музее современного искусства Роберта Мэпплторпа¹⁷, афиша фильма «Элитное общество», вид Будапешта, никому не известные фотомодели, фотографии с каких-то тусовок. С потолка свисала огромная лампа в виде гриба, покрытого флуоресцентными красками. Такую же лампу она видела на маминых фотографиях 1960-х годов, когда та была подростком. От этой мешанины образов и красок хотелось спрятаться. Что она и сделала, закрыв на несколько секунд глаза. И вспомнила, что мобильника в этой комнате они не обнаружили.

– А что там со списками телефонных разговоров, есть результаты?

Эрик отрицательно помотал головой.

– Составить такие списки – это надо несколько дней. Даже если ты из полиции. А с триангуляцией вообще ничего не вышло. Мобильник сдох. Не то чтоб его выключили – батарейка разрядилась. Или вытащена. А сама труба валяется на дне залива или еще где.

Мария согласилась:

– Если уж мне не удалось обнаружить ни малейших следов, то трудно поверить, что он забыл о такой элементарной вещи, как ее мобильник, с помощью которого его легко было бы найти.

Рикард прервал разговор:

– Мне нужно обратно. Встреча с Луисой. Я беру комп с собой, может, дело пойдет быстрее. Будем надеяться, что получим быстрый ответ о том, что там внутри. Независимо от того, киберсекс это, веб-шоу, фотографии или что-то другое. Луисе придется попросить послать заявку в Центр экспертизы, чтобы их аййтишники сразу начали работать.

Эрик снял пластиковые перчатки.

– Окей, я с тобой. Надо взять машину в гараже на работе. А то я не успею в университет на встречу с Грегори. Через сорок минут я должен быть там.

Рикард согласно кивнул:

– Будешь там с людьми в университете разговаривать, учти, что официально Анна считается только пропавшей. Единственные, кто знает о ее смерти, это ее родители и сестра. Ты имей это в виду. Мы не хотим, чтоб нам без конца звонили журналисты, когда вся эта история выплывет наружу.

– Или насторожить преступника. Этого мы тоже не хотим.

Они оба повернулись к Марии, которая широким жестом обвела кучи барахла в комнате и улыбнулась:

– Я тут застряну на некоторое время. Но должен подскочить ассистент из лаборатории.

Она продолжала рассматривать комнату. Вспомнила себя в двадцатилетнем возрасте. У нее в ее первой квартире тоже, конечно, было далековато до идеального порядка, но до такой свалки, как здесь, было далеко.

¹⁷ Роберт Мэпплторп – американский фотограф, известный своими гомоэротическими фотографиями (*прим. пер.*).

Тут ее озарило, и она снова натянула защитные перчатки. Осторожно пробралась через кучи барахла на полу и выдвинула ящички прикроватного столика. В верхнем ящичке она это и обнаружила. Пакет был приклеен скотчем на внутренней стороне. Именно так она сама прятала от родителей сигареты, когда еще жила с ними вместе. Теперь она отклеила целую пачку денег, завернутую в пластик.

– А вот и денежки. От тех, кого она принимала дома.

Мария вытащила кисточку и начала обмахивать внутреннюю поверхность ящичка. Рикард смотрел на нее, выжидая.

– Может быть, она сама пригласила к себе убийцу?

Тяжелая дверь подъезда захлопнулась за Эриком и Рикардом. Они пошли к машине, стоявшей дальше на улице Хегалидсгатан.

Мужчина на скамейке у пруда в парке Хегалид посидел еще несколько секунд, глядя на захлопнувшуюся за полицейскими дверь. Потом встал и ушел.

Глава 7

Линн Столь встрепенулась, увидев полицейских, выходящих из дома 46 по улице Хега-лидсгатан. Она опустила ногу на асфальт и притормозила свой лонгборд. Она могла догадаться, что они из полиции, только увидев припаркованную полицейскую машину. Хотя оба были в штатском, было в них нечто особенное. Тренированное тело. Осанка. Самонадеянность?

У того, что постарше, полицейское удостоверение, казалось, было приторочено прямо к брючному ремню. Темная рубашка. Широкие плечи. Классический образ полицейского. Не хватало только очков-авиаторов.

В чернокожем парне, если бы он был на улице один, признать стража порядка было бы труднее. Наверное, он работает с каким-то делом, где ему приходится одеваться так, чтобы походить на хип-хопера. Мешковатые брюки в стиле карго свисали чуть не до асфальта. Бейсболку бренда Fubu он напялил на себя перед тем, как сесть в машину. Ну и само собой, на ногах у него были адидасовские кроссовки.

Ее передернуло от отвращения, когда полицейская машина проезжала мимо. Мужчина постарше улыбнулся ей. Или чему-то своему. Она не улыбнулась ему в ответ. Полицейские вышли из дома того же типа, который она помнила еще по газетным вырезкам из маминого альбома. Когда конная полиция штурмом брала квартал Мулльваден¹⁸. Снимки полицейских в защитных шлемах. Конная полиция, которая разогнала толпу мирных жителей, симпатизировавших оккупантам. Ее маме вывихнули там руку. И арестовали. Линн посмотрела на дом, из которого вышли полицейские. Такой же фасад песочного цвета, как и на пожелтевших вырезках из газет. Эркеры. Можно только надеяться, что на этот раз речь не шла о принуждении к выселению, как тогда.

Она плюнула вслед проехавшей машине. Полицию она, мягко говоря, не очень любила, учитывая ее годы членства в «Антифашистской акции»¹⁹. Хотя она уже много лет не занималась активизмом.

* * *

Эрик свернул и припарковался в зоне для экстренных выездов транспорта напротив винно-водочного магазина «Систембулагет» на улице Русенлундсгатан. Кафетерий на тротуаре у бывшей пожарной станции купался в последних лучах заходящего солнца. Может, хоть остаток дня не будет окончательно испорчен, подумал он, имея в виду, что встреча с Грегори Линдбладом в университете в принципе ничего не дала. Ценные часы, время, которое теперь, в конце дня, можно было считать потраченным зря. Ему нужно было выпить пива, чтоб успокоиться. Одну кружку пива, надо подчеркнуть. Не больше. Он в самом разгаре расследования, нельзя забывать. Но одну кружку он заслужил. Чтобы хоть мозги прочистить. После всех напрасных мыканий второй половины дня.

Он выпил пиво в один присест, заказал еще и надеялся, что никто из бывших коллег не будет проезжать мимо по пути к полицейскому участку за углом. Закрыв глаза, вспоминал посещение университета. Почти все пошло наперекосяк при встрече с Грегори. Он-то наде-

¹⁸ Речь идет об инциденте на Седере в 1978 году. Оккупантов было около 300 человек, они пытались спасти от сноса четыре жилых дома в квартале Мулльваден на улице Крукмакаргатан. Оккупация длилась почти год. Владелец жилья АО «Шведское жильё» (Svenska bostäder) считал, что снести дома дешевле, чем их ремонтировать. Дома снесли (*прим. пер.*).

¹⁹ «Антифашистская акция» (АФА) – Antifascistisk aktion (AFA), шведская левоэкстремистская организация, созданная в 1993 году. Состоит из антифашистов, признающих насилие одним из методов борьбы. Идеология – разные формы социализма (*прим. пер.*).

ялся, что сокурсник Анны скажет что-нибудь полезное. Или сам окажется замешанным в убийстве. Его бы это не удивило. Эрик уже не раз сталкивался с делами по расследованию насилия в семьях. Часто виновными оказывались родственники или близкие друзья, которых находили со следами крови, до беспамятства пьяными и спящими в той же квартире, что и их жертвы. Потом начинались тошнотворно банальные объяснения кошмарных преступлений: ревность, пьянство, психические заболевания, наркотики или патологическая потребность осуществлять контроль и власть над другим человеком.

Но в глубине души он чувствовал, что увиденное на улице Хегалидсгатан сильно выбивалось из привычной нормы. И уж никак этого было не привязать к Грегори. Парень выглядел не как закоренелый убийца, а как гигантский пупсик. Круглые, немного набрякшие щеки, усики из нежного пушка. Кепи совершенно инфантильного фасона. Эрик ничего не имел против бейсболок, но то, что было на голове Грегори, когда они встретились у входа в университетское кафе «Прего», это было нечто! Широкий и плоский козырек, камуфляжный узор с золотом и серебром, а к тому еще и куча блестящих пайеток, вшитых в ткань. Вряд ли такая бейсболка указывала на склонного к насилию сексуального маньяка. А с другой стороны, хочешь выглядеть клоуном – пожалуйста, законом не запрещается.

Кроме всего вышеописанного, у Грегори было железное алиби на субботний вечер и ночь. Схема была, судя по всему, одинакова и повторялась каждые выходные или в большинство выходных: сначала «разминка», то есть выпивка у кого-нибудь из сокурсников в их студенческих квартирах в районе университета. Потом остаток ночи в пабе факультетского общества. А напоследок – афтерпати у кого-нибудь из подружек-студенток в их корпусе поблизости.

Когда Грегори понял, что ему могут и не поверить, он позвонил и той девушке, у которой провел ночь, а вдобавок еще одной, чтобы они подтвердили его рассказ. Пара других однокурсников тоже все подтвердили, когда Эрик позвонил и им. Даже один преподаватель из молодых, который, судя по всему, мог выдержать общение со своими студентами не только в лекционное время, но и в выходные, тоже подтвердил, что Грегори говорит правду. Быстро найти решение дела, на что рассчитывал Эрик, не удалось. Тогда он попробовал потрясти Грегори посерьезнее. Трудно сказать, то ли он был под впечатлением исчезновения Анны или просто был таким по натуре, но он казался каким-то рассеянным, ускользающим, лишенным четких контуров. Ничего толком не мог сказать об Анне. Ни о какой-то работе в сети, ни о ком-нибудь, кто хотел причинить ей вред. Не знал он и откуда у Анны деньги. Они действительно только вели дискуссии о своей совместной работе. Одна-единственная вещь была полезным результатом этой встречи. После глубоких и напряженных мыслительных усилий Грегори назвал преподавателя, которому они с Анной должны были сдать свою работу: Ахмед Абдулла. Анне он казался «неопрятным» и «липким». Что бы это ни означало. Веса в этих эпитетах было немного. Он вздохнул. Похоже, что компьютер был единственным следом, на который можно было рассчитывать. Если, конечно, эксперты Национального криминологического центра удадутся отклеить свои усидчивые места от кресел и займутся делом.

Он взмахом попросил еще одно пиво. Последнее. Эрик надеялся, что завтрашняя встреча с Ахмедом будет его последним визитом в университетский район Фрескати. Отвратное место. У него уже сложилось мнение о студенческом мире, об университетской атмосфере, но он все равно удивился тому, насколько то, что он увидел своими глазами, совпадало с тем, что он слышал раньше. Разболтанность пронизывала все, куда ни бросишь взгляд: студенты кучками валяются на травке газонов и дремлют на солнышке, если не сидят и хихикают в переполненных кафешках, расположенных через каждый десяток метров друг от друга. Остальные отсыпались с перепоя в своих студенческих комнатах. Слабаки и бездельники, живущие в мире, защищенном от жизненных штормов. Взять того же Грегори с его социологией – предмет, который позволяет нянчиться с преступниками и беседовать об их тяжелом детстве.

Контраст с его обучением в Высшей школе полиции был огромным. Там его учили для настоящей жизни. Там он формировался и тренировался, проливая кровь, пот и слезы. Физические тренировки, практические упражнения, занятия по стратегии, тимбилдинг, конкретные действия. Он не проспал годы обучения в каких-то там кафе, не паялился целыми днями сквозь стекла очков в монитор компьютера. Единственное, что его примиряло с университетом и почему он хотел даже поучиться там на каком-нибудь коротком курсе, это свободные – или даже полиаморные – отношения, о которых он прочел в каком-то журнале. И это тоже было похоже на правду. У всех, с кем он беседовал, было по несколько постоянных партнеров – особенно у парней была не одна подружка, а сразу несколько. Причем все друг друга знали и соглашались на такое положение. Создавалось впечатление, что у всех были близкие отношения со всеми.

Он замерз, сидя в тени. Смеркалось, пора домой. Еще один «Айриш кофе» напоследок, чтоб согреться.

Глава 8

Начальник отдела Луиса Шестедт сидела в своем кабинете в штаб-квартире полиции, поглаживая пальцами экран мобильного. Она только что закончила разговор с Центром криминалистики. Кажется, обошлось без трещин на экране. А ведь с такой яростью швырнула мобильник на стол, думала, стекло треснет. На письменном столе лежал ноутбук, завернутый в пластик, который только что с курьером прислали обратно из Центра.

«Черт возьми, – думала она. – Ну почему так сложно?» Она не сомневалась, что в дело вмешался ее начальник, глава регионального отдела полиции Карл-Юхан аф Бергкройц, и уже в который раз отклонил их заявку на экспертизу в Центре без очереди.

На этот раз речь шла о ноутбуке с места убийства на Хегалидсгатан. Компьютер только что вернули обратно. Даже не распаковали! Вместо их заявки на «без очереди» шеф наверняка приказал аййтишникам заняться делом, о котором много писали в вечерних газетах. Организованная преступность в Седертелье и растущее число перестрелок с летальным исходом в пригородах были, разумеется, важными. И все же она чувствовала, что главным приоритетом был он сам, Карл-Юхан аф Бергкройц. В центре его внимания была не борьба с преступностью, а стремление оградить свою персону, чтобы и тени не пало на него лично. Любой ценой избежать заголовков в газетах, где его и полицию обвиняли в том, что они делают слишком мало.

Она включила красный светильник на двери в кабинет, чтобы в коридоре издали было видно, что она занята. Раздраженно клацала по клавишам. Пыталась навести порядок в мыслях. Кажется, двигалась к решению проблемы. Решение? Человек, которого она могла попросить о помощи.

И все же полной уверенности не было. Она листала на экране параграф за параграфом Закона о полиции, что можно и чего нельзя. Просто невозможно получить четкую директиву относительно «особых методов наблюдения». Какие правила надо соблюдать, чтобы привлечь к расследованию человека, за которым тянется хвост «был задержан полицией». Она еще раз пролистала параграфы. Не очень-то они помогают. «Решение принимается в зависимости от цели привлечения и других обстоятельств». И нигде нет ни одного конкретного примера или примечания, которое могло бы помочь в принятии решения.

Она раздраженно цокала по клавишам, продвигаясь к категории «Преступления против безопасности государства». И только головой покачала, прочитав подзаголовки: «Сотрудничество с иностранным государством», «Подготовка к теракту». Но то «прослушивание», по поводу которого она искала опоры в законодательстве, не казалось ей «угрожающим общественной системе». Скорее это было глупостью по молодости лет. С нарастающим раздражением она дошла до раздела «Полицейские методы разведки и сбора информации». И тут ничего. Только ссылка на Закон о полиции. Обратно к началу, к точке, с которой она и стартовала.

Она пыталась припомнить, слышала ли она о подобной ситуации. Слабое воспоминание о какой-то конференции пару лет назад, где шеф специальной группы Nova²⁰ мимоходом упомянул о том, что они использовали в качестве информаторов ранее осужденных преступников. Такое, как она знала, бывало и в разведотделе уголовной полиции. Но все это было более или менее эпизодическим, создаваемым ad hoc. Нигде ей не удавалось найти ни анализа предшествовавших такому решению размышлений, ни анализа рисков. Или ссылок на параграфы закона, в соответствии с которыми такие решения принимались.

²⁰ Группа была создана в 2003 году при уголовной полиции специально для борьбы с организованной преступностью. В ее составе было примерно 25 полицейских (*прим. пер.*).

Она встала, посмотрела в окно на голубей, прогуливавшихся на жестяной крыше. Вздыхнув, она поняла, что фактически уже приняла решение. Она была им нужна. И дело было спешным.

Линн застегнула куртку и поехала дальше на своей доске. Разница со вчерашним солнечным днем на горе Шиннарвиксберьет была большой. В тени между домами дул холодный ветер. Она попыталась достать мобильник на ходу. Ей не удалось выудить телефон из кармана куртки и пришлось притормозить.

– Линн, – ответила она осторожно, думая, что в ответ зачирикает какой-нибудь продавец чего-то такого, против чего невозможно устоять.

– Привет, Линн, малышка моя.

Очень немногим, кто посмел бы назвать ее малышкой, удалось бы уйти без потерь. Даже ее родная мама не решалась больше так ее называть. Но мамина сестра, тетя Луиса Шестедт, не обращала ни на что внимания. В ее глазах Линн всегда оставалась «малышкой». И поскольку она произносила это ласково, а не уничижительно, то Линн снисходительно ей это позволяла.

– Привет, тетя, – ответила она с радостью в голосе. Луиса была одной из тех считанных родственников, которых Линн действительно ценила и уважала. Если помнить о ее резко отрицательном мнении о полиции в целом, то такое уважение было признаком настоящего доверия. Тетя Луиса всегда присутствовала в ее жизни, в ее детстве, а в некоторые периоды ее подросткового возраста почти заменяла ей мать. Тем не менее по тону голоса тети она поняла, что та позвонила не только чтобы поинтересоваться ее самочувствием. В голосе звенело нервное нетерпение.

Линн закончила разговор. В руке ощущалась тяжесть телефона. Мысли вихрем носились в голове. На что она только что дала согласие? Разве это не предательство по отношению ко всей ее предыдущей жизни?

И все-таки она не знала, могла ли поступить как-то иначе.

Глава 9

Эрик попытался укрыться за экраном компьютера и превратиться в невидимку, когда через стекло в двери увидел Рикарда, идущего по коридору. И не потому, что он имел что-то против своего коллеги и непосредственного начальника, а потому, что он был психологически не готов к разговору с кем бы то ни было этим утром.

Накануне вечером он сдуру согласился совершить обход баров вместе с парочкой сокурсников по Высшей школе полиции. Вообще-то Эрик поклялся самому себе, что поедет домой после пива в кафешке у бывшей пожарной станции. Но в то же время чувствовал, что надо на что-то переключиться после удручающего посещения университета. Друзья-товарищи теперь работали в Гетеборге, а в Стокгольме только что закончили курсы повышения квалификации и жаждали попробовать на вкус, что такое есть ночная жизнь столицы. Отказаться было просто невозможно, хотя Эрик мог бы предвидеть, чем все это кончится. Для начала решено было взять по пиву в «Лидмаре»²¹, потом основательно пройтись по списку коктейлей, а уже напоследок отправиться в ресторан «Риш». Вечер закончился тем, что он стоял один на танцевальной площадке бара «Спай» и покачивался под музыку. С того момента прошло, увы, не так уж много часов.

В висках пульсирует. Во рту сушняк. Он рылся в ящике письменного стола в поисках кисленькой конфетки, пососать, и не поднимал головы. Надеялся, что Рикард пройдет мимо. Но нет. Послышался мягкий стук двери, и он увидел подходящего к нему коллегу.

– Что это у тебя с осанкой? Скрючило? Я тебя почти и не заметил.

Пары секунд Рикарду хватило для оценки ситуации. Выхлоп Эрика при дыхании и блеск в глазах не оставляли никаких сомнений.

Он вытащил его к кофейному автомату в конце коридора и протянул чашку двойного черного эспрессо.

– У нас встреча с Луисой. Прямо сейчас. Если ты не знал.

Эрик чуть не поперхнулся кофе. Вот непраха! Его главная шефиня Луиса. Второй после Рикарда человек, которого он сегодня изо всех сил намеревался избегать. Закон подлости продолжает работать, пришел он к печальному выводу.

Собрание, как ему казалось, длилось целую вечность, хотя прошло всего полчаса, когда они закончили. Эрик помалкивал. Хотя до остальных наверняка доходил запах спирта при его выдохах, ведь совсем не дышать он все-таки не мог. Говорили все остальные – Юнгберг, Мария и Рикард. Ему нечего было добавить, кроме того, что Грегори вряд ли может быть убийцей и что списки звонков ничего не дали. И мобильник невозможно запеленговать. Луиса была явно нетерпелива. А у них пока что не было ничего, что могло бы направить следствие хоть в какую-то сторону. С нарастающей головной болью он отправился в свою комнату. Помассировал кожу головы. Почувствовал вспотевший затылок. Краска бросалась в лицо при одной мысли о собрании. Юнгберг считал, что родственников можно исключить из числа подозреваемых, если не появится ничего нового. Мария и лаборатория занимались вещественными доказательствами, но пока не нашли ни одного следа, который хоть куда-то вел. А компьютером вообще никто не занимался.

Он остановился у комнаты, где пили кофе, и ополоснул лицо холодной водой. Попытался сосредоточиться. Они все были расстроены и раздражены, как и Луиса. Она сама так сказала. Хуже всего было то, что еще только могло произойти. Что это было не последнее убийство.

Рикард пришел в комнату отдыха и взял чашку для кофе. Испытующе посмотрел на молодого коллегу. С лица Эрика капала вода.

²¹ «Лидмар» – гостиница, ресторан и бар в центре Стокгольма (прим. пер.).

– Как ты вообще?

– Так себе. Но работать могу. Что будем делать?

– Надо торопиться. Нужно что-нибудь найти. Он может планировать следующее убийство. Мы должны его опередить. Неужели-таки совсем нет ничего в списке телефонов, что бросалось бы в глаза?

– Нет, как я уже сказал, одни сокурсники, семья да университет. Обыденные контакты. Ничего особенного. Но я могу еще раз проверить. Последняя эсэмэска была адресована Грегори, и речь шла о том, что она идет домой и что завтра они встретятся.

Он выпил стакан воды.

– Откуда именно она направлялась домой, так и неясно. Сокурсники знали еще меньше, чем Грегори. Я их обзванивал. Как это возможно, непонятно. Никто ничего не слышал ни о каком бойфренде. Ни о каких угрозах. Анна была обычной приятной девушкой, и это все. Последний номер, по которому она звонила, университет. Коммутатор.

– А кого она искала?

– Неизвестно. Это не регистрируется.

Эрик увидел, что по коридору к ним идет Луиса. О господи, не дадут передохнуть. Шефиня заглянула в дверь.

– Пойдем прогуляемся по парку Крунуберьспаркен. Нам надо еще кое-что обсудить.

Луиса заметила, что понизила голос до заговорщицкого тона, хотя никаких секретов обсуждать не собиралась. И все же чувство было именно такое. Она не могла стряхнуть с себя ощущения некоторого неудобства. Попыталась представить себе, какотреагирует Эрик. Скорее всего, так, как он обычно реагировал, когда возникало что-то неожиданное: возмущался. Еще хуже было с Рикардом, который вообще не показывал, что он думает. Но это уже не имело никакого значения. Она приняла решение.

Эрик удивился предложению начальницы пойти прогуляться, но выйти на свежий воздух – это было именно то, что ему необходимо. В лучшем случае Луиса на улице могла вообще не заметить его состояния. Он нарочно пытался отстать на пару шагов от нее и Рикарда, когда они вышли в парк.

Вниз с горки спускалась цепочка детишек в ярких оранжевых жилетах со светоотражателями. Детсадовцы смеялись, им трудно было идти ровной колонной. Эрик прекрасно понимал и разделял их чувства. Чуть выше по дорожке на скамейках устроилась парочка алкоголиков с банками крепкого пива. Сегодня он и сам вполне мог проснуться с теми же чувствами, что и они, да он и догадывался, что и у него белки глаз были с такими же красными прожилками, как и у этих алкашей.

Дети, шумя и цепляясь друг за друга, ушли дальше. Беззаботные. Такие же, каким когда-то был и Эрик. Тогда каждый день был наполнен сюрпризами и приключениями. Но это время давно прошло, хотя он до сих пор не остепенился. В последние годы у него не было постоянной девушки. А если призадуматься, то и раньше тоже не было. Его вполне устраивало его нынешнее положение. Кроме, пожалуй, сегодняшнего состояния.

Луиса остановилась и выждала, пока он с ними сравняется.

– Есть еще одна вещь, о которой я не хотела говорить на собрании: нам отказали в проведении экспертизы ноутбука без очереди.

Рикард отреагировал мгновенно:

– Что? Да не может быть! Компьютер в деле об убийстве молодой женщины должен быть приоритетом номер один!

– Да, можно так полагать. Но вы же знаете, какова реальность. Им людей не хватает, айтишников мало. Лаборатория настолько отстает с экспертными заключениями, что они вообще не успевают принимать еще и новые заказы.

Оба кивнули. Она продолжала:

– Поэтому я решила призвать к расследованию дополнительный ресурс.

Эрик пытался скрыть свое удивление. Значит, вместо экспертов Центра у них появится еще и «ресурс»? Это же отлично! Именно то, чего им всем так не хватало! Голова заболела еще больше. Но он удержался от иронических комментариев. Он помнил, как шефиня раздражалась, когда он пару раз попался ей под руку в таком же состоянии похмелья, как сегодня. Так что лучше ее не дразнить без особой надобности. «Ресурс» – это еще что за дурацкое слово? Это вообще о чем? О человеке? О консультанте? Белиберда какая-то, которой все эти «эксперты-консультанты» дурят людям головы.

Они пошли дальше, так и не дождавшись объяснений Луисы. Наконец Эрик не выдержал:

– Этот ресурс, это что, какой-то тип, которого нам дает напрокат Агентство национальной безопасности США, или о чем вообще речь? – Его тон был полон сарказма. А ему не следовало бы выпендриваться. Она все-таки его начальница, и обычно она ему даже нравилась. Луиса широко открыла глаза.

– Эрик, если ты начнешь думать, прежде чем выпаливать первое, что взбредет в голову, и сосредоточишься на расследовании вместо ночных походов по ресторанам, то, может быть, скоро у нас и появится какой-то результат. Мне нужен оперативник, а не золотая рыбка.

У нее не было времени на пререкания. И все же в чем-то он был прав. Обстоятельства и прошлое Линн были, несмотря ни на что, довольно щекотливы. От этого никуда не деться. И лучше им знать, о чем речь. Хотя бы во избежание обычной для Эрика импульсивной реакции.

– Отказ в первоочередной экспертизе обжалованию не подлежит. Мы вынуждены искать выход из положения своими силами. Отсюда и ресурс. Она дала предварительное согласие – несмотря на свое прошлое, – так что это не обсуждается.

«Тут еще много чего можно обсуждать», – подумал Эрик. Дело ясное, что дело темное. Она ведь не дошла до такого отчаянного шага, чтоб пригласить к сотрудничеству какую-нибудь частную фирму безопасности? Тогда уж она могла сразу начать сокращение штатов со своей собственной персоны. Или она пала так низко, что попросила помощи у кого-то из СЭПО²²?

– Что у нее за прошлое? Что это значит?

– Ресурс – это Линн Столь. Я взяла ее в качестве консультанта. Она заканчивает аспирантуру на кафедре математического анализа в КТИ. И одна из очень немногих в Швеции, кто занимается расшифровкой и кодированием.

Они ступили на траву, чтобы уступить дорожку целой армии бегунов в ярких тренировочных костюмах. Луиса покачала головой:

– То есть для нее не проблема расшифровать пароль, чтобы войти в компьютер Анны. А поскольку речь может идти о киберсексе, эскортном бизнесе и подобных вещах, нам надо проникнуть в ноутбук немедленно. Если убийца жаждет внимания СМИ, то он может убить опять. Об этом меня предупредил Хофман из отдела профилирования преступников. И если помощь нам нужна немедленно, то выбор такой: или Линн, или никого. – Она замолчала. Видно было, что она колеблется. – Но это еще не все. Есть еще несколько моментов.

«Ага, сейчас узнаем, – подумал Эрик, – что там за секреты».

– Во-первых, она дочь моей сестры, моя племянница.

«Всего лишь? – подумал он. – Немножко nepoтизма, подумаешь, ничего страшного».

– Но прежде чем кто-нибудь из вас успеет пробормотать слово «nepoтизм», я хочу подчеркнуть, что она, вероятно, наиболее подходящий для наших целей человек и единственный, кто может помочь немедленно. Окей?

Они оба кивнули, соглашаясь. Нет смысла это жевать, раз Луиса уже решила. Но было, видимо, и еще кое-что.

– Во-вторых, у нее есть судимость.

²² Шведская полиция безопасности (прим. пер.).

Вот этого Эрик уж точно не ожидал. Насколько ему было известно, ее родственники жили в каком-то спокойном районе, застроенном коттеджами в северном пригороде Тебю. Что ж там могло случиться эдакого? Девочка не слушалась школьного старосту? Ездил на велосипеде без шлема? Или племянница взломала чей-нибудь сайт? Он с интересом ждал продолжения.

– Она осуждена за государственное преступление и угрозу безопасности страны.

Эрик споткнулся и чуть не свалился в канаву, но в последнюю секунду удержал равновесие и повернулся к ней с разинутым ртом.

– В подростковом возрасте она отвечала за компьютеры в организации «Антифашистская акция» в Линчепинге. Тогда она занималась сбором информации о нацистах и анализом правоэкстремистских формирований. Позже, во время нацистского марша в пригороде Салем, она руководила нелегальным радиоцентром, который взломал наши частоты и таким образом получил доступ к информации о передвижениях полиции. Если вы помните, ситуация там сложилась неприятная²³. Произошло столкновение, на нас, на полицию, нападали с обеих сторон, когда они не дрались друг с другом. Наказания присудили жесткие.

Рикард кивнул. Он помнил заголовки в газетах. На подмогу шведским антифашистам прибыли члены датской АФА, несколько полицейских получили травмы.

Все трое остановились у перехода на улице имени Польхема. Луиса подняла руку, чтобы предупредить возможные возражения:

– Я прекрасно знаю, что АФА находится в черном списке СЭПО и что вы наверняка уравниваете антифашистов с хулиганами или террористами. Но все это было давно. После трехлетнего тюремного заключения у нее нет с ними никаких контактов.

Луиса выдохнула и поняла, что ее слова могут быть восприняты как речь защитника. Пусть так. Линн нужна им в любом случае. И срочно.

– Она может рассказать больше, когда вы ее подберете на машине. – Она улыбнулась им с преувеличенной любезностью. – Я куплю вам кофе навынос, вы можете его взять с собой в машину, если вы мне поможете. Чем быстрее вы ее привезете, тем лучше. Можете отправляться. Она ждет вас у продовольственного магазина «Хемшеп» на улице Хурнгатан.

Она снова посерьезнела.

– Ей я сказала только самое основное. Что была убита женщина. И что нам нужно проникнуть в ее компьютер, чтобы найти следы убийцы. И чтобы помешать ему нанести следующий удар. Больше ей знать необязательно. Она должна вскрыть нам компьютер, а не быть собеседницей при обсуждении хода расследования.

Они почти успели спуститься в гараж, когда она их окликнула:

– Приведите Линн ко мне в кабинет, прежде чем вы заберете ноутбук. Он в техническом отделе на втором этаже.

Эрик пожал плечами, чтоб Рикард это видел, когда они садились в машину. Опоздать на несколько минут на любую встречу – это его не особенно волновало. Намного больше хотелось увидеть этот «ресурс» собственными глазами. Левойэкстремистскую девицу, которой они должны доверить самые важные вещественные доказательства.

²³ Манифестации, демонстрации или марши проходили в Салеме с 2000 по 2010 г. в годовщины убийства 17-летнего шведа Даниеля Вертстрема 9 декабря 2000 г. Среди убийц были иммигранты. Ежегодный марш памяти Даниеля проводился правоэкстремистскими и неонацистскими объединениями и группами. Левые группировки типа «Революционного фронта», «Молодых Левых», «Антифашистской акции» выступали против расистских и неонацистских лозунгов. Неоднократно происходили столкновения с вмешательством полиции (*прим. пер.*).

Глава 10

«Где она, черт побери?» – думал Эрик с раздражением, когда они приблизились к перекрестку Хурнсгатан-Торкель Кнутссонсгатан. Не заставили же их ехать сюда зря? У входа в продмаг «Хемшеп» было пусто, если не считать какой-то ученицы, удравшей с уроков из школы «Марии», расположенной поблизости. Или ученицы, выбежавшей на переменку, подумал он, поскольку она выглядела образцово-показательно: белое с красными цветами летнее платье до колен и рюкзак. Не похожа на школьницу, прогуливающую уроки. Может, она выпала из какой-нибудь книги Астрид Линдгрэн, а ее настоящий дом находился в «Мы все дети из Бюллербю». Светлые волосы развевались на ветру.

Единственным, что не совпадало с этим идеальным образом, был лонгборд, наклоненный к земле.

Линн рассматривала полицейскую машину, которая подъезжала все ближе. Они хотя бы быстро приехали, и за это спасибо. На передних сиденьях сидели двое мужчин. Тот, что помоложе, чернокожий. Она не знала, как это оценить, но его коллега или партнер вряд ли был расистом, если они работали в паре. А так мужчина постарше выглядел как многие из полицейских на улицах. И это, увы, не было положительной оценкой. В то же время она не собиралась повторять ту же ошибку, которую часто совершала полиция, и не судила о людях, ничего о них не зная. Ей придется положиться на мнение тети. Даже если она и не сразу почувствует к ним доверие. А может, и никогда не станет им доверять.

Эрик удивленно обернулся, когда в стекло машины постучали. Школьница в летнем платье осторожно помахала им рукой. Он чуть было не стал поворачиваться, чтобы посмотреть, не стоит ли кто-то с другой стороны машины, кто-нибудь, кого он знает, когда до него наконец дошло, что это она и есть: племянница Луисы. Она выглядела совершенно не так, как он ожидал. Рикард впустил ее в машину, они представились друг другу, и воцарилась тишина.

Эрик обычно не лез за словом в карман, но тут вдруг не знал, что сказать. Он не имел права говорить о расследовании. А о компьютерах он вряд ли мог сказать что-то такое, что было бы достойно ее уровня.

Рикард осторожно покосился на нее в зеркало заднего вида. Симпатичная. И все же, какие бы гарантии ни давала Луиса, странным казалось, что во всей стране не оказалось никого другого с таким же уровнем компетентности, кто не был бы родственником или бывшим левым экстремистом. Он подозревал, что и Эрик думал примерно то же самое.

Линн тихо сидела на заднем сиденье. Она не знала, что именно ее тетя рассказала им о ее предыстории, но ожидала встретить враждебность. Вместо этого оба они казались скорее удивленными. Она подумала, не работали ли они раньше с наведением порядка. Наверняка. В таком случае у них было совершенно точное мнение о таких, как она. Может быть, они даже участвовали во время беспорядков, связанных с маршем в Салеме. Или у них были коллеги, которые получили физические или психические травмы после столкновений с демонстрантами. Трудно было понять, о чем они думали.

Может быть, они охотнее видели бы ее за решеткой, чем хотели бы сотрудничать с ней в ходе расследования? Хотя Луиса и клялась, что они ничего не имеют против нее. Но и она не собиралась стоять перед ними с кепкой в руке, как бедная родственница, и просить прощения за свое прошлое или отказываться от своих взглядов, которых она по-прежнему придерживалась. А в некоторых отношениях еще и больше, чем раньше. Это они нуждались в ней. А она прекрасно может справиться и без них – больно надо.

Она незаметно наклонилась вперед и покосилась на чернокожего парня на переднем сиденье. Мешковатые армейские брюки. Белые адидасовские кроссовки. Толстая золотая

цепочка. Никакой бейсболки. И все же это был тот самый парень, который выскочил вчера из дома на улице Хегалидсгатан. Хип-хопер. «О господи», – подумала она.

Они уже проехали Ратушу по пути к штаб-квартире полиции, а никто по-прежнему не вымолвил ни слова. Она помотала головой. Что это такое? Демонстрация власти? Или обычный мужской прием подавления воли?

Эрик наконец не выдержал и повернулся. Линн с удивлением посмотрела на его улыбающуюся физиономию.

– Извини за вопрос. Просто любопытно. Почему такой человек, которого осудили за подслушивание и создание помех полиции, вдруг соглашается нам помогать? Тебя обратили в тюрьме в новую веру или что?

Он не ждал ответа.

– Или просто стало скучно и захотелось обратно, к приключениям подросткового возраста? Правда, уже на другой, на нашей, так сказать, стороне баррикад?

Линн не отрываясь смотрела на него. Ее серо-голубые глаза потемнели и почти слились с чернотой зрачков, став угрожающими. И ответ прозвучал не слишком сердечно.

– Наше сотрудничество может оказаться весьма непродолжительным. Особенно если мне придется сотрудничать с кем-то, кто вполне подходит под шаблонное мнение о полицейских: глупые шутки, непродуманные утверждения и обобщения. «Слова летят, мысль остается тут»²⁴.

«М-да, день будет длинным и трудным», – подумал Рикард. Ему пришлось вмешаться и прервать словесную перепалку между Эриком и Линн. Тон становился тем враждебнее, чем ближе они подъезжали к Управлению полиции. Когда Эрик назвал ее «избалованным демонстрантом-профессионалом», она ответила обвинением полиции в том, что они вели себя точно так же, как в Одалене в 1931 году²⁵ и когда пару лет назад направляли лошадей на беззащитных демонстрантов, протестовавших во время выступления на площади «Партии шведов»²⁶.

Приехали. Рикард въехал в подземный гараж и поставил машину. Пора было начинать работать.

Когда Эрик шел за ними в лифт из гаража, он начал понимать, что вел себя не слишком дипломатично. Наверняка даже слишком грубо. Но он не мог молчать и безропотно соглашаться сотрудничать с человеком, осужденным за преступление против безопасности страны, какие бы гарантии ни давала его начальница.

На самом деле его скорее развлекало ее внезапное участие в расследовании. Ни он, ни Рикард не участвовали в разгоне демонстраций в Салеме, поэтому его лично это не касалось, хотя он и был доволен тем, что такие манифестации «подлинных шведов» и их столкновения с противниками национализма, кажется, прекратились.

Преступление, за которое осудили Линн, «подслушивание», казалось абстрактным и стояло крайне далеко от определения терроризма. Он знал, что Союз юристов критиковал многие из приговоров, которые после беспорядков в Гетеборге в 2001 году²⁷ использовались в качестве прецедентов, поскольку наказания были не пропорциональны преступлениям. И в случае

²⁴ Цитата из трагедии У. Шекспира «Гамлет, принц Датский», акт 3, сцена 3, в переводе М. Лозинского (*прим. пер.*).

²⁵ Расстрел рабочей демонстрации в Одалене (*швед.* skotten i Ådalen) в мае 1931 года. Во время протестной демонстрации 14 мая войска, вызванные для подкрепления немногочисленной полиции, убили 5 демонстрантов. События приобрели общенациональный масштаб. С тех пор шведской армии запрещено помогать полиции для разгона демонстраций. После событий 11 сентября 2001 г. Риксдаг принял новый закон в 2006 г., который дает право полиции обратиться к военным за помощью, если речь идет о борьбе с терроризмом (*прим. пер.*).

²⁶ Партия шведов (*швед.* Svenskarnas parti, SvP) – шведская национал-социалистическая политическая партия. Прекратила существование в 2015 г. (*прим. пер.*).

²⁷ В 2001 г. в Гетеборге противники глобализации столкнулись со шведской полицией во время саммита Европейского союза. На саммит приехал президент США Джордж Буш. В столкновениях пострадало около 40 человек полицейских и демонстрантов. За участие в беспорядках были осуждены более 50 шведов и два десятка иностранцев (*прим. пер.*).

Линн так, несомненно, и было. Подслушивать радиопереговоры полицейских и ориентировать протестующих против правоэкстремистских митингов – разве за это следовало дать три года тюрьмы? Даже если ее и освободили условно до истечения срока. Ясное дело, что она недолюбливает полицию. А теперь они вдруг должны сотрудничать. «Флаг в руки, и вперед», – подумал он.

Глава 11

Линн шла за Эриком и Рикардом по душным коридорам, которые прямо-таки источали аромат бюрократии: сочетание пыли, застоявшегося воздуха и трудноопределимого оттенка желто-коричневой краски на стенах. Вдоль коридоров монотонно тянулись ряды комнат с одинаковыми интерьерами. Кое-где на письменном столе можно было заметить фото членов семьи, но чаще не было и их. Ничего личного. Только папки с делами да картонные коробки с вещественными доказательствами по текущим расследованиям. Мелющие жернова правосудия²⁸. Преступность, которая постоянно повторялась, в худшем случае росла и модифицировалась, захватывая ранее неизвестные области: криминальные мотоклубы, ассирийская мафия, мошенничество в интернете или еще какой-нибудь новый синтетический наркотик.

Разница с ее собственным миром была колоссальной. Она находилась очень далеко от того ощущения свободы, которое ей давала езда на доске, когда она парила над асфальтом, и еще дальше от анархической и насыщенной фантазиями атмосферы ателье на острове Лонгхольмен. Вместо этого чувства свободы и полета она испытывала клаустрофобию. И не потому, что в доме полиции было тесно, а потому, что Линн не могла стряхнуть с себя ощущение, что она сама себя загнала в угол, из которого нет выхода. Кроме всего прочего, эти коридоры были ужасно похожи на те, по которым ей пришлось ходить два года и два месяца, когда она сидела в Хинсеберге²⁹.

Ей было не по себе. Правильно ли она поступила? С одной стороны, трудно себе представить более отвратительное преступление, чем убийство молодой женщины. И понятно, что она, Линн, хочет помочь близкому другу и родственнице, своей тете, маминой сестре. Но с другой стороны, эта ее тетя, Луиса, работала в полиции. Той самой полиции, которая стреляла в демонстрантов в Гетеборге, избивала до бессознательного состояния девушек возле порномагазинов и чьи служащие в некоторых случаях не только оправдывали правых экстремистов, но, как можно было подозревать, и сами симпатизировали подобным идеям.

Когда она выходила из ворот тюрьмы Хинсеберг, ей и в голову не могло бы прийти, что она будет сотрудничать с ними, с полицией. Легко было себе представить, как удивились и возмутились бы ее товарищи, если бы увидели ее сейчас. Даже те, кого она хорошо знала и с кем все еще встречалась, не нашли бы оправдания ее поразительной наивности. А другие, самые догматичные и негибкие, с кем она давно порвала всякие контакты, они бы просто решили, что она стала предательницей и «продалась врагам». И вот теперь она становится частью той самой системы, которой она сопротивлялась всю свою жизнь. И ей за это будут еще и платить.

Она смотрела в спины идущих впереди полицейских, о которых она толком ничего не знала, и вошла вслед за ними в кабинет Луисы.

Луиса ей весело кивнула. В комнате сидели еще несколько человек.

– Привет, хорошо, что ты смогла приехать так быстро. Я собрала тех, кто связан с расследованием, чтобы всех познакомить. Мы не так уж часто привлекаем к работе... э-э-э... консультантов.

Линн сдержанно кивнула присутствующим, соглашаясь с кратким описанием самой себя, как ее описала им Луиса. Линн обвела взглядом сидящих за столом. Мария, эксперт-криминалист, примерно лет тридцати. Красивая. Судя по виду, умница. Юнгберг показался ей приятным. Последний, Стен Хофман, мужчина в форме, старше других, видимо, шеф. Но началь-

²⁸ Парафраз латинского изречения *Sero molunt deorum molae* – «Поздно мелют мельницы богов» – крылатое выражение, означающее неотвратимость Судьбы (*прим. пер.*).

²⁹ Hinselberg – женская тюрьма, самая крупная в Швеции и самая охраняемая из женских тюрем (*прим. пер.*).

ник не Луисы, а группы профилирования преступников. Будто из американского детективного фильма.

– Больше всего ты будешь связана с Рикардом и Эриком. Я буду заниматься со Стеном профилированием убийцы. Каждый занимается своим делом и своим участком работы.

Она кивнула в сторону Стена, посмотрела на остальных.

– Учитывая характер убийства, есть риск, что преступник может совершить еще несколько убийств такого же типа. Поэтому нужно работать быстро.

Она посмотрела на Линн, колеблясь.

– Все тут присутствующие согласны с тем, что тебе надо знать только самое основное в расследовании: молодая женщина, Анна, которая заявлена пропавшей, была убита в субботу в своей квартире на Седермальме. И нашим лучшим следом, вероятно, окажется именно компьютер, которым тебе предстоит заняться.

Эрик молча шел по коридору рядом с Рикардом и Линн. Головная боль наконец-то отпустила. Он подозревал, что Рикард идет и составляет в уме схему действий на оставшуюся часть рабочего дня. Сам он удивлялся тому, что ему не удастся засунуть Линн ни на одну из полочек своей личной системы классификации людей. Обычно он без труда и быстро составлял представление о людях. Очень важное качество в его профессии. Иногда даже решающее. Особенно когда нужно было быстро принимать решение на не слишком ясных основаниях. Но с Линн это не получалось. Да, аргументы, которые она приводила, были типичны для левых активистов. Но в остальном никаких привычных атрибутов, с которыми ассоциируются люди, выходящие на улицы, чтобы протестовать. Волосы. Платье. Ничто не совпадало с типичным образом сторонницы ультралевых.

Рикард покосился на Линн. Он успел переброситься с ней всего несколькими фразами, но уже пришел к выводу, что она производит приятное впечатление. Ему приходилось встречаться с людьми из так называемого «черного блока», то есть протестантов, которые носят черную одежду, шарфы, маски, темные очки и прочее, чтобы скрыть лицо. Они были по-настоящему неприятными. Именно такие могли участвовать в беспорядках, спровоцированных футбольными болельщиками, или учинить самосуд, но Линн была совершенно не такой, как они.

Сам он не слишком интересовался политикой, разве что только в некоторых, важных, как он считал, вопросах. Но он всегда считал шведских правых экстремистов намного более серьезной угрозой для безопасности страны, чем их противники левые. В особенности это касалось сотрудничества правых с организованной преступностью. И по работе ему приходилось расследовать намного больше преступлений с применением насилия, связанных с нацистами и ультраправыми экстремистами, чем с активистами на левом фланге.

Что касается Линн, то он полагался на рассудительность Луисы. Раз она ручалась за ее личность и компетентность, то для него этого было достаточно.

Повисшая тишина начинала тяготить. Эрик повернулся к Линн. Может быть, он был чересчур жестким с ней. Захотелось это исправить.

– Ты, значит, занимаешься исследовательской работой в КТИ. И что там делают?

Линн не стала отвечать, что это слишком сложно для его понимания, ведь этим вопросом он как бы протягивает ей руку дружбы.

– Это не так-то просто объяснить. Таблицы логарифмов. Шифры. Компьютерное программирование. Совсем не так интересно, как то, чем вы занимаетесь. Больше подсчеты, цифры.

Он улыбнулся и положил руку ей на плечо:

– Хорошо, что ты решила нам помочь. Несмотря ни на что.

Она посмотрела на него вопросительно. Что он хочет сказать? Намекает на ее сотрудничество с антифашистскими активистами?

– Мы можем отвезти тебя домой, когда тебе дадут компьютер, чтоб ты могла сразу начать с ним работать. Рикард все равно подбросит меня до университета. Ты живешь на Седере, да?

Она кивнула:

– Станция метро «Хурнстуль» подойдет. Дальше я поеду на своей доске.

Забрав компьютер в техническом отделе двумя этажами ниже, они сели в лифт, чтобы попасть в гараж. Линн сидела на заднем сиденье. Порывшись в рюкзаке, она выудила оттуда большой iPad последней модели и начала что-то нажимать.

«Вот тебе и анархический протест против материализма с вещизмом», – подумал Эрик.

– Что ты думаешь о шансах справиться с паролем?

Она слегка улыбнулась:

– Учитывая, что последние шесть лет я только тем и занималась, что программированием и шифрами, то шансы у меня довольно приличные.

«У нее, по крайней мере, все в порядке с самооценкой», – подумал Рикард. А Эрик повернулся к ней и добавил:

– Хорошо. Чем быстрее ты начнешь с этим компом «беседовать», тем лучше.

Рикард выехал из подземного гаража и свернул налево. Несмотря на хмурающееся небо, предвещавшее дождь, на зеленой травке в парке Роламбсховспаркен было полно народа. Он отметил, что Линн следит за скейтбордистами, собравшимися прокатиться.

Они выехали на мост Вестербрун и молча проехали мимо самой красивой панорамы Стокгольма. Но не это занимало мысли Линн. Это стало ясно, когда она нарушила тишину:

– Могу я задать три вопроса?

Никто не ответил. Она продолжила:

– Есть ли у вас подозреваемый? Намекнул ли человек, заявивший об исчезновении Анны, что ей кто-то угрожал? Сталкивались ли вы с подобными типами убийства раньше?

Оба, и Эрик, и Рикард, с удивлением посмотрели на нее в зеркало заднего вида. Кто там у них сидит на заднем сиденье? Анархистка, мечтающая стать следователем? Рикард еще не успел ответить, как Эрик произнес довольно жестким тоном:

– Этого мы, черт побери, не можем тебе сказать. – Он сразу пожалел о своем резком тоне и попытался как-то смягчить впечатление: – Расследование же только началось, мы не имеем права ничего разглашать. Ты же слышала, что сказала Луиса. Только базовые факты, не больше.

Он покосился на Линн, которая, как ребенок, надув от обиды губы, смотрела в окно.

Рикард свернул с улицы Лонгхольмсгатан и подъехал поближе к метро «Хурнстуль», чтобы выпустить ее.

– Тогда созвонимся, после того как ты разберешься с компьютером.

Линн коротко кивнула и быстро вышла из полицейской машины. Ей хотелось на свежий воздух. И на доску. На душе было тяжело. Не только потому, что речь шла об убийстве. Но еще и потому, что она проявила интерес к ходу расследования, а получила по носу от того, с кем совсем не просила сотрудничать. Впрочем, хоть она и согласилась помогать, ей совсем не обязательно проводить с ними много времени. Рикард вполне приличный, да и Эрик сделал попытку показать себя с лучшей стороны. У него есть хоть какие-то взгляды. Это уже хорошо. Даже лучше, чем люди, у которых вообще нет никаких взглядов ни на что. И пока что они не проявили себя неонацистами. Но даже если оба они кажутся вполне нормальными – для полицейских, – это не значит, что они обязаны стать друзьями на всю жизнь. Она согласилась только потому, что ее попросила тетя. А не для того, чтобы заводить друзей со взглядами, которые ей не близки.

Рикард и Эрик смотрели ей вслед, когда она сделала широкий разворот на доске и скрылась за углом. А они поехали дальше, направляясь в сторону университета.

Глава 12

Линн была довольна. Гораздо приятнее катиться на доске через район Танто, чем ехать на метро от станции «Хурнстуль» до станции «Цинкенсдамм», хотя путь и шел вверх всю дорогу до ее дома. Она предпочитала парить над асфальтом, чем вдыхать асбест под землей.

Да и в мыслях надо бы навести порядок.

Этот день стал поворотным в ее жизни. Ни в какой самой необузданной фантазии она не могла предвидеть ничего подобного.

Теперь она не только работает в стоковой полиции как фрилансер, что само по себе уже оксюморон. Мало того, ей поручено взлезть в компьютер как хакеру, чтобы помочь полиции в охоте за убийцей женщины. Все это, мягко говоря, находится довольно далеко от того, что обычно занимало ее будни, – как от тестирования компьютерных программ, так и от преподавания сонным студентам в Королевском техническом институте. Даже если очень напрячься, невозможно было утверждать, что сотрудничество с полицией напоминало о тех задачах, которые она выполняла для антифашистов. Разве что только в том смысле – это если принять ее собственное определение, – что в обоих случаях она охотилась за преступниками.

Тем не менее ей пришлось признаться самой себе, что ее предубеждение и подозрительность по отношению к полиции слегка поколебались. Невозможно было закрывать глаза на то, что и Рикард, и Эрик производили впечатление нормальных, даже хороших людей. Особенно Рикард. Он обладал спокойствием, которое вызывало доверие, и она сумела это оценить. С другой стороны, она не собиралась подчиняться им во всем. Она сделает то, что обещала. Ни больше ни меньше. Ни в каких новых друзьях она не нуждалась.

Она осмотрелась в своей тесной однокомнатной квартире, контракт на которую ей помог получить КТИ. До этого она годами снимала жилье из вторых рук. В объявлении на сдачу комнаты в аренду ее описали бы как хорошо спланированную. На самом деле квартирка была крошечной и была похожа на классическую студенческую комнату. Что в общем-то совпадало с ее представлением о самой себе. Конечно, аспирантскую должность вполне можно было бы считать в какой-то степени работой. Но эта работа была очень близка тем исследованиям, которые она начала еще студенткой. А помимо этого, она вела примерно такой же образ жизни, как и большинство студентов, которым она преподавала, хотя они были намного моложе: никакой обязанности приходиться в 9:00 и уходить в 17:00, никакого постоянного мужчины-сожителя и никаких детей. Она ценила свободу в той жизни, которую вела. Она была сама себе начальником – это было сознательным выбором, совпадавшим с ее взглядами на жизнь. Эти взгляды мало изменились после подросткового возраста. Но теперь она сидела за обшарпанным кухонным столом с компьютером Анны и собственным ноутбуком перед собой. И с задачей, поставленной полицией. Она выпила глоток чая из корней солодки и сформулировала задание самой себе: сделать все, чтобы с другими женщинами не случилось того, что произошло с Анной.

Она подключила ноутбук Анны к сети и приготовилась к разгадыванию пароля. Пока на экране мелькала стартовая программа, она рассматривала компьютер. Он вполне мог бы быть обычным, студенческим, если бы не веб-камера, встроенная в верхнюю панель. Она знала эту модель, оснащенную прекрасным цейсовским объективом с возможностью дистанционного управления записью и изменением фокусного расстояния. Скорее всего, на компьютере был и мощный видеоредактор, возможно, Adobe Premiere Pro или что-то подобное. Это была машинка, которая стоила намного выше среднего. Ничего такого, что можно купить по ошибке, случайно. Это было куплено кем-то, кто собирался пользоваться камерой.

Кем-то, кто собирался снимать фильмы.

Анна.

Она подумала. Было ли в квартире, где произошло убийство, что-то такое, что тоже на это указывало? Она должна спросить Рикарда. Не нужно обладать чересчур богатой фантазией, чтобы сообразить, для чего нужна такая камера и какова была цель таких съемок. Она была убеждена, что, по крайней мере, Эрик тоже думал в этом направлении. Анна была звездой экрана. Для себя самой. Конечно, это могло быть что-то вполне невинное. Хорошие снимки и видеоклипы для социальных медиа, о моде, например. Или что-нибудь связанное с ее учебой. Но крайне редко обычные веб-сайты требуют такого высокого качества снимков, которые давала эта камера. Либо такие файлы вообще не принимали, потому что они требовали слишком много места на сервере.

Дорогой ноутбук с веб-камерой такого высокого качества плохо сочетался с образом бедной студентки. Если компьютер приобретался с целью быстро его окупить, да еще и получить прибыль, остается только один вариант. Занятие, спрос на которое никогда не иссякал, если верить тому, что пишут в газетах. Она набрала номер Рикарда.

– Привет, это Линн. Ты занят?

Рикарду удалось скрыть свое удивление, ведь они совсем недавно распрощались. Луиса, конечно, говорила о ее высокой компетентности, но он не думал, что она окажется гением, способным взломать компьютер за пару часов.

– Нет, могу говорить. Ты уже в ноутбуке?

– Нет, просто возникли некоторые мысли.

– Ага.

Значит, она не разгадала пароль. Не так уж она и компетентна. Зато у нее нет проблем с отношением к делу, а это было то, чего он опасался, зная о ее жизни. Во всяком случае, это пока не было заметно.

– Я пока не обошла пароль, но я вот о чем подумала. Веб-камера. Оптика самая передовая. И дорогая. Могла ли она использовать ноутбук, чтобы вести трансляции онлайн? Было ли что-нибудь в квартире такое, что могло бы на это указывать?

Линн замолчала. Она не хотела доводить свои намеки до их логических выводов. Не хотела, чтобы ее запомнили как «двинутую на сексе», особенно если окажется, что она ошиблась.

– М-м-м... Мы думали о такой возможности. Но большего я не могу сказать. – Он колебался. – Но когда ты заберешься внутрь, то проверь видеофайлы и были ли трансляции.

– Хм... Еще одно. На крышке маленький кусочек скотча. И компьютер чисто вытерт. Если не вы его чистили, то это мог сделать убийца. Может быть, этим скотчем были приклеены данные о пароле. Если ноутбуком она пользовалась только дома, то ей было не так важно, увидит ли кто-то ее пароль. – Теперь настал ее черед колебаться. – Я хочу сказать, что убийца мог воспользоваться приклеенным паролем, чтобы войти в ее компьютер. А потом все вытер. После уничтожения следов.

Он тоже думал об этом кусочке скотча, но не успел зайти в своих раздумьях так далеко. Но она права. Чистый ноутбук мог свидетельствовать не только о попытках, но и о том, что убийце удалось забраться в ее комп и уничтожить все цифровые следы. Вот это будет полный крах, черт побери.

– Я понимаю, что ты имеешь в виду. Да, это действительно будет проблемой. Но ведь и уничтоженные файлы обычно удается найти, ведь так?

– Есть такие методы, если только жесткий диск не тронут.

– Мне нужно поговорить с Луисой. Не исключено, что нам понадобится помощь и с жестким диском, а не только с паролем. Тебе, кстати, передали ее имя пользователя, которое мы нашли в квартире? Если, конечно, оно не изменено.

– Да, мне прислали по мобильнику. Ну, все, пора за работу. Пока.

Она положила трубку. Если пароль такой же банальный, как и имя пользователя, то проблем у нее не будет. Она написала в строке «Пользователь» имя «АннаБ» и включила собственный ноутбук. Потом соединила оба компьютера проводом с USB и подключилась к Королевскому Техническому институту. Ее собственный компьютер был довольно сильным и вполне мог бы справиться с разгадкой пароля через какое-то время, но времени испытывать судьбу не было. Нужно было спешить, особенно если убийца готовится нанести следующий удар.

Она вошла в свой компьютер, стоящий в ее кабинете на работе, подключила его к серверу, который должен был помочь ей переработать максимальное количество информации за минимальное время. Если Анна, владелица ноутбука, не воспользовалась специальной программой, чтобы усложнить посторонним доступ к паролю, то она узнает его в ближайшие часы или, по крайней мере, завтра утром. Она вышла в DarkWave, хакерскую программу, обнаружению которой КТИ вряд ли бы обрадовался. Ей еще придется отчитываться перед системными инженерами, но это уже будет не ее головная боль, а Рикарда или Луисы. Сейчас это была самая быстрая альтернатива. Другое дело, что она находится в «юридически серой зоне».

Она запустила программу и увидела, как замигали зеленые столбики диаграмм, когда сервер начал свои попытки угадать пароль. Она предоставила возможность поработать DarkWave, а потом начала соревнование против программы. Сначала она вводила самые классические комбинации, которые тысячи пользователей ежедневно вводят в свои компьютеры: «мама», «четверть», «пароль», «привет» и «12345678».

Перепробовав несколько сотен, она перешла к более личным вариантам. Гуглила и перепробовала имена родителей, братьев и сестер, даже нашла в «Инстаграме» имя, похожее на кличку тетиной собачки. Без результата. Пришлось признать, что она всего лишь простой смертный и надо дать программе поработать без помех.

Она вошла в ванную комнату и посмотрела на себя в зеркало. Ее друзья были правы: внешне она почти не изменилась с тех пор, как была подростком. Или, во всяком случае, она не изменилась после тюремного срока шесть лет назад. У нее не было никаких морщин, а светлая кожа намекала на скорое появление веснушек.

Глаза свежо блестели, хотя она просидела за компьютером несколько часов подряд. Она взяла доску и пошла к двери. Даже для процессоров КТИ перебор множества альтернатив паролей может занять несколько часов. А то, что компьютер будет стоять включенным всю ночь, тоже ничего страшного. Низкочастотный звук охлаждающих вентиляторов был таким же усыпляющим, как и кондиционер в номере гостиницы, блокирующий нежелательные звуки с улицы. Даже само сознание того, что некие внешние силы продолжают на тебя работать, пока ты сам почти засыпаешь, тоже оказывало успокаивающее действие.

Глава 13

Эрик постучал в стекло на двери секретаря кафедры социологии. Женщина открыла и сказала, что профессор Ахмед Абдулла, как ни странно, находится у себя в кабинете, хотя это обеденное время и обычно он уходит на ланч. Хотя кто знает, а вдруг этот профессор социологии урбанизации был настолько поглощен своими исследованиями, что мог неделями обходиться без еды, подумал Эрик. Особенно если он занимается такими переломными для жизни проблемами, как «атипичные часы рабочего дня», «стратегии мейнстрима» и им подобные, чтобы назвать хоть некоторые из тех «суперинтересных» тем, которые он видел на доске объявлений у входа на кафедру. В другом конце коридора виднелась дверь, которая и вела, наверное, в кабинет Ахмеда. Если бы Эрик хоть чуть интересовался этой областью знаний, то ему, возможно, не хватало бы на стенах портретов таких великих социологов, как Эмиль Дюркгейм и Макс Вебер. Но он не интересовался. А потому отметил лишь стерильность интерьера, вполне соответствующую названию «институция». Странно. Потому что сам предмет социологии должен бы концентрировать внимание на таком в высшей степени свободном от всякой стерильности предмете, как отношения между людьми.

Ахмед сидел лицом к компьютеру и спиной ко входу. Эрик посмотрел на него через стеклянную половину двери. Костюм не из ширпотреба, а сшитый на заказ. Ни вельветовых брюк, ни застиранной тенниски, как заранее представлял себе Эрик человека, посвятившего свою жизнь чему-то малопонятному и трудновыразимому. Темные волосы красиво зачесаны. Ни одного седого волоска. Короткая борода тоже выглядела ухоженной. Он решил испытать классическую тактику неожиданности.

– Тук-тук. Меня зовут Эрик Свенссон, инспектор уголовной полиции. Я хотел бы задать несколько вопросов об одной из твоих студенток, Анне Борг. – Не дожидаясь ответа, он вошел в комнату и сел на стул рядом с письменным столом.

Ахмед даже не поднял глаз от монитора. Он казался не удивленным, а скорее обиженным. «И в некотором роде он прав», – подумал Эрик. Хотя именно этого он и хотел – вывести человека из равновесия. Когда кто-то раздражен, он хуже себя контролирует и больше шансов, что он случайно проговорится. Посторонний человек мог бы истолковать бестактность Эрика как наплевательское отношение, да еще и с расистским подтекстом, несмотря на его собственное происхождение. Но среди тех – немногих – жалоб, поданных на Эрика за годы работы, никто и никогда не указывал на расизм, а только на нарушение правил.

Ахмед не обращал на него никакого внимания, продолжая внимательно изучать экран. Эрик сидел молча, пытаясь сдержать растущее раздражение. Ахмед глянул на него искоса и опять уставился в компьютер.

– Ты можешь закрыть дверь и подождать в коридоре. Время приема у меня с восьми до девяти. То есть завтра утром с восьми до девяти.

Злость горячей волной перекатилась между висками Эрика.

– То время, когда такие, как вы, могли отдавать приказы таким, как я, закончилось вместе с работоторговлей в девятнадцатом веке.

Ахмед повернулся и посмотрел на него так, будто тот изъяснялся на китайском. Эрик встал и показал свое удостоверение личности так близко к лицу Ахмеда, что чуть не задел его по носу. Ни один мускул не шевельнулся на его лице. Нейтральным голосом он произнес:

– У меня нет времени разговаривать с тобой только потому, что кто-то из студентов незаконно скачивал файлы, пробовал какой-то наркотик на тусовке или сбежал со своим бойфрендом, или что там могло случиться. Кроме того, я ее не знаю и не знаю о ней ничего, кроме того, что она и Грегори не подали вовремя свою работу. И это отрицательно скажется на их отметках.

Он снова повернулся к экрану и продолжил стучать по клавишам. Эрику пришлось прикусить губу, чтобы удержаться от дикого желания выбить из-под него стул.

– Окей, тогда поступим вот как. Я надену на тебя наручники и протащу тебя по коридорам, поскольку ты мешаешь расследованию убийства. Потом ты попадешь в участок.

Он не сводил глаз с Ахмеда, который окаменел и повернулся к нему. Взгляд был совершенно пустым. «Вроде подействовало», – подумал он. У него был большой опыт противостояний. Со свидетелями. С подозреваемыми. И все же он не был уверен в том, что означало это «нулевое» выражение лица. Он что, в шоке? Ни паники, ни враждебности не было. Кажется, его хамский стиль все-таки подействовал.

– Одна из твоих студенток убита: Анна Борг. Начнем сначала. Что ты можешь о ней сказать? Как она вела себя в последние недели?

Ахмед опустил глаза и покачал головой. Пробурчал что-то, механически проводя пальцами по клавишам. Будто смахивая невидимую пыль. Голос был едва слышен, когда он заговорил:

– Как она может быть убита? Что случилось? Она же была здесь у меня на прошлой неделе.

Эрик решил снизить тон. Ахмед выглядел так, будто новость его правда шокировала.

– Я не могу сказать больше, как ты сам понимаешь. Идет расследование. Не задавай встречных вопросов. Это сейчас лучшая помощь с твоей стороны. Итак, что ты знаешь об Анне?

Ахмед вздрогнул, услышав имя Анны. Временная путаница в мыслях быстро отступала. Он гневно уставился на Эрика:

– Я ничего не знаю, я же сказал. Тут по коридорам бродят сотни студентов, и я не становлюсь их лучшим другом только потому, что руковожу некоторыми их работами. Она казалась совершенно обычной, нормальной студенткой. Последний раз они с Грегори были здесь в четверг и консультировались по поводу своей работы. После этого я ее не видел. Так что мне нечего добавить.

«Неужели он на самом деле полицейский?» – думал Ахмед, рассматривая Эрика. Мешковатые армейские штаны, нависающие над белыми кедами. Вульгарная золотая цепочка, выскользнувшая из отворота. Еще хуже, чем Пафф Дэдди.

Симпатию, которую Эрик на секунду было почувствовал к научному руководителю, как ветром сдуло. Он видел, как таранился на него Ахмед, и догадался, какие он сделал выводы. Поэтому он наклонился к нему и прошипел:

– Окей, я вижу, что ты не собираешься помогать и у тебя, видимо, проблемы лично со мной – и я догадываюсь почему. – Он показал на свою темную кожу. – Можно сказать так: я знаю, что мы скоро увидимся. В комнате для допросов. – Он продолжал смотреть на Ахмеда в упор, но тот надменно встретил его взгляд. От былой неуверенности не осталось и следа.

– Хорошо, я возьму с собой камеру. Фото тебя в форме украсит обложку моей работы об обратном расизме в Швеции.

Эрик встал так резко, что стул упал и стукнулся об стенку. Он повернулся спиной к Ахмеду и вышел из комнаты. «Какой чистейшей воды расизм, – думал он. – Студентам-иммигрантам с ним, должно быть, трудно, если они на него нарываюются. Но ничего, так легко ему от меня не отделаться».

«Чертов мусор, – думал Ахмед, поднимая опрокинувшийся стул. – Он и что, берут теперь в полицию кого попало?» Он смотрел через стекло вслед Эрику, пока тот не скрылся в лифте.

Он вернется.

Но немного времени удалось выиграть.

Ахмед пялился в черный экран. Из него будто бы выпустили весь воздух. Тело превратилось в пустую оболочку. Он сидел на стуле, а ощущение было такое, будто бы он падал. Свободное падение в пустоте. Каким образом, черт побери, это могло зайти так далеко? Он автоматически шарил в ящиках стола. Вдруг в его руке возник красный мобильник. Он чувствовал в ладони его округлые, мягкие формы. Чехол из пластика и металл, в котором находилась целая жизнь. Он рассеянно нажал на экран. Тот оставался черным. Мертвым. Как знак высших сил. Он поставил телефон на подзарядку и положил обратно. Шнур был протянут в ящик, а ящик он закрыл на ключ.

* * *

Эрик опустил тяжелые шторы в своей спальне на улице Седра Агнегатан. Темнело. И хотя ему до кабинета в полиции было всего несколько минут, он предпочел после университета поехать домой. В домашней обстановке ему было легче избавиться от стресса. Тут ему, быть может, удастся перестать думать о подействовавшей на нервы встрече с Ахмедом. Он вышел в кухню, открыл пиво и глотнул. Потом выдохнул и громко вздохнул. В гостиной лежали списки телефонных разговоров с мобильника Анны. Главное, чтобы у нее не было незарегистрированного телефона. И хотя никто из студентов, сокурсников Анны, не знал никакого другого ее номера, не исключено, что такой телефон был. И убийца забрал оба. А в списках звонков последних недель ничего особенного не бросалось в глаза. Он уже не раз прошелся по всем номерам. Звонки друзьям и членам семьи. Ничего больше.

Он лег в кровать и допил пиво. Сомневался, стоит ли позвонить Линн и спросить, как у нее идут дела. Решил, что не надо проявлять излишний интерес, и выключил лампу. Во рту остался привкус пива. Сахар и хмель.

Глава 14

Дома Линн проснулась, как обычно, без будильника, в семь утра и увидела, что компьютер перестал работать. Это могло быть и хорошим знаком, и плохим. Она выбралась из постели, вскипятила воду и поставила чай завариваться прямо в кружке. А сама включила компьютер, выведя его из режима сна. С некоторым трудом затащила кухонный стол в комнату, чтобы солнечный свет не падал на экран. Не очень-то хотелось стоять полуголой у кухонного окна, хотя на самом деле ее это ни капельки не волновало. Экран мигнул. «Ура!» – подумала она. Компьютер справился. Хотя на самом деле это серверы в КТИ сделали свое дело за минувшую ночь. Бесконечной длины информация от DarkWave закачивалась лаконичным сообщением: «Password confirmed³⁰ for Dell product key: H7KVJ-6MBVM-YH42Q-RD7CT-W7G59: minigris». Хотя она и предвкушала положительный результат, все равно настроение сразу поднялось.

Она съела парочку бутербродов с твердыми хрустящими хлебцами, наскоро приняла душ, посмотрела в мобильнике погоду и достала старенькую черную джинсовую куртку к платью. Куртка была близнецом вчерашней. Сложила компьютер, дополнительные батарейки, шнур для модема к телефону, термос с чаем. Все это влезло в небольшую сумку с ремнем через плечо. С такими сумками ездят курьеры-велосипедисты, развозя по городу срочные пакеты. В прихожей она взяла доску и набрала телефон Рикарда, спускаясь по лестнице. Голос у него был хриплый, но вроде он уже проснулся. Ветер разметал волосы Линн, когда она на большой скорости пересекла Рингвэген, направляясь в Танто. Сзади нервно засигналил таксист. Она с ходу взяла быка за рога:

– Я внутри. Пароль был не таким уж и сложным...

На Рикарда это явно произвело впечатление. Проблема была решена. Хотя и не за два часа, но все равно быстро. И в то же время он ощутил приступ раздражения – как долго она уже копалась в компьютере, перед тем как ему позвонить? Пусть ее оформили фрилансером, все равно это не значит, что она может располагать своим временем, как ей вздумается. Она же знала, что дело срочное.

– Хорошо. Но просто чтоб тебе все было ясно и понятно. Мы работаем под сильным давлением: давлением времени, так что в следующий раз, когда ты решишь очередную задачу, звони сразу, немедленно!

«Прежде чем ты отправишься кататься на скейтборде», – подумал он, поскольку порывы ветра были слышны в трубке.

Линн почувствовала легкое раздражение. Она не напрашивалась. Он что, считает, что она должна была вставать ночью каждые полчаса и проверять комп? Наплевать и забыть! Да, быстрые результаты важны, но всему есть предел. Впрочем, как Луиса и говорила, когда звонила и уговаривала ее помочь, у него стресс. Ладно, спишем на это.

– Я обошла пароль путем грубой силы. Тебе надо это знать?

– Что именно ты сделала?

– Я использовала метод полного перебора. Это такая штука, которая перебирает возможные комбинации пароля, сравнивая со списком слов по их вероятности. Я сделала эту программу несколько лет назад. Потом я подключилась к серверу КТИ, чтоб ускорить перебор вариантов. Это, я думаю, сэкономило четыре-пять недель работы.

– Возможно. Или мы все равно поймаем убийцу благодаря другим следам. Но ты проделала большую работу, даже если исход дела не зависит от компьютера.

³⁰ Пароль подтвержден (англ., прим. пер.).

– Понимаю. Если ты не считаешь ее ноутбук важным для дела, то у меня есть другие занятия. Позвони, если застрянешь в чем-то техническом или если ты действительно хочешь, чтобы я узнала что-нибудь об онлайн-трансляциях.

– Я не то хотел сказать.

Рикард раздумывал, не начать ли ему самому искать фильмы на жестком диске. Но поскольку он хотел получить ответы немедленно, то такая альтернатива ему не подходила. И к тому же не было никаких причин ссориться с Линн.

– То есть жесткий диск не стерт? Не уничтожен?

Линн резко остановила доску. Вот дура! Почему она это не проверила, прежде чем выйти из дома?

– Э-э-э, подожди секундочку.

Она села на доску, вынула комп Анны, ввела пароль и посмотрела в папках документов. Пусто. Она почувствовала, как загорелись щеки и вспотел затылок. Нажала на мусорный ящик. Пусто. Несколькими кликами вошла во временные файлы. Пусто. Потом в историю поисков в интернете.

Все было стерто.

Все уничтожено.

Она выругалась, не раскрывая рта. Голос Рикарда послышался из мобильного:

– Алло. Ты где?

Она колебалась. Чувствовала себя тупицей. Нечего было выпендриваться.

– Э-э-э, да, я здесь. Но похоже, что весь жесткий диск уничтожен.

Не дав Рикарду сказать, она продолжила:

– Но я, может быть, смогу что-то сделать, если мне дадут еще несколько часов.

– Вот черт. Думаешь, его можно восстановить?

Рикард порадовался, что не отругал ее и не попросил вернуть компьютер. И еще тому, что он уже поговорил в Луисой насчет расширения ее полномочий, если бы это понадобилось.

– Может получиться. Должно получиться. Я прямо сейчас начну и попытаюсь.

Линн закончила разговор, снова набрала скорость на доске и чуть не упала из-за того, что оттолкнулась раньше, чем пришла в равновесие. Она уже отказалась от мысли ехать на гору Шиннарвиксберьгет. Там ей будет мешать ветер. И хотя прием сигнала там – лучшего не пожелаешь, ведь радиомачта рядом, но надо искать безветренное местечко. Она поехала дальше по велосипедной дорожке с равномерным наклоном.

Линн уклонилась от нескольких полусонных велосипедистов, объехала группу детсадовцев, которые были намного бодрее и уже шли гуськом то ли на площадку «Дракен» в Танто, то ли кормить птиц у кромки воды. Она слышала, как они ей кричали вслед и хлопали в ладоши. Внизу у карибского бара «Лупен» она резко свернула и набрала хорошую скорость, чтобы миновать рок-клуб «Дебасер». Потом пришлось опять напрячь мускулы ног, чтобы осилить путь через набережную Бергсундс странд, мимо моста к острову Раймерсхольме и дальше к острову Лонгхольмен. Когда она поднялась на мост, то увидела, к своей радости, что мостки свободны. Было бы странно, если бы они были заняты, ведь это обычный будний день и раннее утро. Люди, у которых нормальная работа, уже сидели на этой своей работе. А с другой стороны, здесь, на Седере, было поразительно много народу, который работал совсем в другое время суток и который мог занять ее любимое место. Она спустилась на мостки, прислонилась спиной к деревянным бревнам и достала компьютер. Подключилась к широкополосной связи и подсоединила свой переносной жесткий диск. Быстро нашла программу Stellar Phoenix Data Recovery и дала софту инструкции. Потом она вошла в состояние, которое сторонний наблюдатель мог бы описать как транс: существовали только она, компьютер и та задача, которую надо было решить. Весь остальной мир перестал существовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.